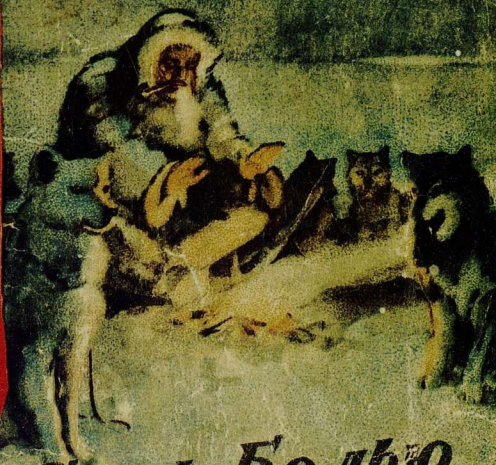

ДЖЕК ЛОНДОН

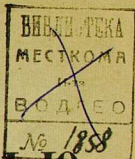

Смок Белью

ДЕТГИЗ 1945

БИБЛИОТЕКА НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ДЖЕК ЛОНДОН

СМОК БЕЛБЮ

Перевод под редакцией
Е. СТАРИНКЕВИЧ

РИСУНКИ К. АРЦЕУЛОВА

Л-63

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
НАРКОМПРОСА РСФСР
Москва 1945 Ленинград

681147 КХ-редк

Российская государственная
детская библиотека

ДЖЕК ЛОНДОН

(1876—1916)

На консервной фабрике в предместье Сан-Франциско Оклэнде у машины, режущей жезь, стоит пятнадцатилетний подросток. Он повторяет без конца одни и те же монотонные движения. Рабочий день его, как правило, продолжается десять часов, а нередко удлиняется до восемнадцати и двадцати часов подряд. Был даже случай, когда мальчик не отходил от машины тридцать шесть часов. С тяжелым сердцем вспоминает он, что совсем недавно мог сколько угодно бегать по улицам, кататься на лодке и читать книжки. Невольно он задумывается: неужели смысл жизни в том и состоит, чтобы вечно работать на хозяина.

изнемогая под ярмом непосильного труда? Зовут мальчика Джеком Лондоном, и загнала его на фабрику необходимость помочь бедствующей семье.

По заливу Сан-Франциско взад и вперед проносятся рыбацьи суда и лодки. Это «устричные пираты», промысел которых отнюдь не одобряется законом. Они ничем не брезгают — ни хищническим ловом, ни очищением чужих сетей. Особенно отличается своими дерзкими набегами небольшой шлюп с экипажем из двух человек. Владелец и капитан его — шестнадцатилетний крепыш, влюбленный в море и жаждущий приключений. Кто он? Тот же Джек Лондон, получивший у своих приятелей почетную кличку «Принц устричных отмелей».

Рыбацьи патрули ведут упорную борьбу с хищниками. Она нелегка: чтобы привлечь нарушителя закона к ответственности, надо захватить его на месте преступления и обязательно с «вещественными доказательствами». Впрочем, не все дозорные одинаково ретивы: ведь иной раз можно и пулю получить от обозленного пирата. Но никакие опасности не страшат молодого голубоглазого дозорного, когда нужно задержать злого браконьера. Вас интересует имя юноши? Это опять-таки Джек Лондон, отказавшийся от своего пышного титула и сменивший прежнюю профессию на новую, не менее романтическую.

Магическое слово «золото» манит тысячи американцев на север. В погоне за драгоценным металлом они, не считаясь с трудностями, устремляются в золотоносный край Клондайк. Но вот группа будущих золотоискателей, прибыв в Аляску, узнает, что им придется зимовать здесь: через страшный Чилькутский перевал, ведущий в Клондайк, перебираться уже поздно. Однако наиболее отважные путешественники не хотят терять времени: они пускаются в путь вопреки всем предостережениям. Среди них выделяется молодой человек с поистине неистощимой энергией: он не только не отстает от крепконогих индейцев — проводников и носильщиков, но даже не раз обгоняет их, хотя они

местные жители, а он новичок, «чечачо». Разумеется, это снова Джек Лондон, остающийся верным себе в любой обстановке.

Джек Лондон провел бурную юность. Он столько страствовал, столько видел и слышал, столько перенес, что если бы его жизненный опыт разделить на десять человек, хватило бы на всех — и притом с избытком. В каких только переделках он не бывал, с какими только трудностями ему не приходилось справляться! Суровые природные условия закалили его волю, а знакомство с социальной несправедливостью сделало его социалистом. Правда, его представления о социализме смутны и неопределенны, но сочувствие к людям труда и ненависть к врагам демократии в нем непоколебимы.

Свой первый рассказ Джек Лондон написал, когда ему не было еще восемнадцати лет. Тему юноше дали его собственные похождения. Рассказ был озаглавлен «Тайфун у берегов Японии». Лондон представил его на конкурс, объявленный санфранцисской газетой «Колл», и получил первую премию.

Новые литературные попытки его не были, однако, удачными. Джеку Лондону нехватало общей культуры; не доставало ему и обыкновенной грамотности. Поняв это, он решил пройти подготовительный двухлетний курс в три месяца и поступить в университет. Зубрил Лондон так, что подконец у него, как он сам в шутку пишет, «всякие квадратные уравнения и химические формулы прямо из ушей торчали».

Экзамены были успешно сданы, но из-за недостатка средств проучился Лондон в университете всего лишь один семестр.

С такой же энергией и волей принялся он и за писание. Бывали случаи, когда Лондон сидел за столом по пятнадцать часов в сутки изо дня в день и писал не переставая.

Порой он совсем забывал о еде или попросту отказывался идти обедать, чтобы не отрываться от бумаги. Свои произведения молодой писатель посылал в различные американские журналы и издательства. Однако в течение долгих месяцев его рукописи упорно возвращались обратно. Прошло немало времени, прежде чем он стал получать от своих издателей чеки.

В 1900 году, двадцати четырех лет от роду, талантливый самоучка Джек Лондон выпускает свою первую книгу и вскоре завоевывает мировую популярность.

Один из романов Джека Лондона «Мартин Иден» многие критики находили неправдоподобным. По их мнению, Иден слишком быстро становится образованным человеком. В три года автор превращает его из простого матроса в знаменитого писателя. Ответ Джека Лондона этим критикам был краток: «Мартин Иден — это я сам».

Огромный запас жизненных впечатлений, накопленный во время его бесконечных странствований, — основа большинства произведений Джека Лондона. В его книгах действуют моряки и ковбои, охотники и золотоискатели, бродяги и арестанты, контрабандисты и безработные, белые и индейцы. Герои его — люди мужественные, выносливые, изобретательные, люди, умеющие работать и умеющие веселиться. Это оптимисты, никогда не теряющие веры в будущее и не признающие себя побежденными. Они настойчивы, упрямы и подчас жестоки, но они хорошие товарищи, и им свойственны порывы редкостного великодушия.

Писатель часто ставит своих героев в чрезвычайно трудные условия и показывает, как они, напрягая все свои силы, выбираются из, казалось бы, совершенно безвыходного положения.

Один из лучших рассказов Джека Лондона носит название «Любовь к жизни». Рассказ этот за два дня до смерти слушал В. И. Ленин, и, как свидетельствует Н. К. Крупская, Ильичу он «понравился чрезвычайно». Любовь к

жизни — такова наиболее характерная и наиболее ценная черта творчества Джека Лондона. Она ярко выражена в таких его книгах, как «Сын солнца», «Дочь снегов», «Смок Белью»¹, «Белый клык», «Вера в человека», «Межзвездный скиталец» и многие другие.

Как и его любимые герои, Джек Лондон по самому складу своему оптимист. Но оптимизм его чужд беззаботности и благодушия. Размышления над социальными вопросами привели Лондона к убеждению, что рабочему классу и демократии грозит серьезнейшая опасность. И вот задолго до первой мировой войны, в 1909 году, создается роман «Железная пята». Когда сейчас перечитываешь эту книгу, не без удивления отмечаешь, что автор ее предугадал целый ряд особенностей современной фашистской тирании, хотя в его времена никто о фашизме и не слышал и даже слова такого еще не существовало. Красочно описанная Джеком Лондоном героическая борьба американцев против владычества «Железной пяты» — одна из вершин его художественного творчества.

Борьба — та стихия, в которой живут герои Джека Лондона. Нередко жизнь они воспринимают как игру, как великую Игру с большой буквы. Кипящие в них силы ищут выхода, но далеко не всегда находят себе достойное применение. Если спросить, в частности, Смока Белью, что именно удерживает его в Клондайке, где приходится рисковать собой на каждом шагу, то ответ он даст ясный и недвусмысленный: отвращение к тусклой, серенькой, конеечной жизни, на которую обречен средний городской обыватель, боящийся всего нового, не решающийся проявить свою активность и мечтающий лишь о мелочном успехе. Но если мы зададим вопрос, каковы идеалы Смока, в чем он видит смысл жизни, то вряд ли получим на этот вопрос четкий ответ.

Джек Лондон не напрасно, однако, сделал своего ге-

¹ Здесь напечатаны три рассказа из этой книги.

роя столь привлекательным. Он считал таких людей, как Смок, «лучшими представителями американской нации» и верил, что в нужную минуту они окажутся на высоте.

Действительно, представьте себе Смока Белью в наши дни. Где бы он был? Разумеется, в рядах американских армий, дерущихся против немецко-фашистских войск на Европейском континенте.

Г. Ленибль

ВКУС МЯСА

I

Сначала он был Кристофер Белью. В колледже сделавшись Крисом Белью. Позднее в кругах артистической богемы¹ Сан-Франциско стали звать его Кит² Белью. И наконец никто не называл его иначе, как Смок Белью. Эта история изменений его имени тесно связана с историей его собственных изменений. Их не произошло бы, если бы у него не было нежной матери и железного дяди и если бы он не получил письма от Джиллета Беллами.

«Я только что видел номер «Волны». — писал Джиллет из Парижа. — О'Гара несомненно добьется успеха. Однако я заметил в журнале кое-какие промахи (тут следовали подробные указания относительно того, какие улучшения необходимо было произвести в многообещающем еженедельнике)... Пойди к нему и поговори об этом. Пусть он, однако, думает, что все эти соображения исходят лично от тебя. Обо мне не упоминай ни словом. Если он узнает, что

¹ Богема (по-французски «цыганщина») — так французский писатель Мюрье называл студентов Латинского квартала в Париже. С тех пор богемой называют людей, ведущих легкий, беззаботный и беспорядочный образ жизни.

² Кит (англ.) — котенок.

это мои указания, он непременно сделает меня своим парижским корреспондентом. А я этого совершенно не хочу, потому что предпочитаю получать наличными деньгами в толстых журналах. Главное, пусть он выгонит поскорее тупицу, которому поручил музыкальную и художественную критику. Ведь у Сан-Франциско всегда была своя собственная литература. Теперь ее нет. Пусть О'Гара порасспросит и откопает какого-нибудь чудака, который мог бы снабжать «Волну» из номера в номер романом с продолжением, отражающим подлинную романтику, очарование и колорит Сан-Франциско».

И вот Кит Белью явился в редакцию «Волны», чтобы откровенно высказать эти соображения. О'Гара выслушал. О'Гара поспорил. О'Гара согласился. О'Гара выгнал тупицу, который писал критические статьи. Наконец, О'Гара сделал с Китом то, чего так опасался для себя Джиллет в далеком Париже. Ведь когда О'Гара желал чего-нибудь, никто из его друзей не мог отказать ему в просьбе. Он был мил и совершенно неотразим. Прежде чем Кит выбрался из редакции журнала, он оказался соредактором О'Гара, обещал поставлять еженедельно несколько столбцов для критического отдела, пока не найдется другой сотрудник, и давать для каждого номера главу романа из жизни Сан-Франциско в десять тысяч слов — и все это совершенно бесплатно.

— «Волна» пока еще не может платить, — пояснил О'Гара и тут же убедительно доказал, что в Сан-Франциско есть только один человек, способный создать подобный роман, и этот человек — Кит Белью.

— О господи, выходит, что чудака, о котором говорил Джиллет, я сам! — горестно простонал Кит, спускаясь по узкой лестнице.

И с этого момента началось его рабское служение О'Гара и ненасытным столбцам «Волны». Неделю за неделей не выходил он из редакции, выпроваживал кредиторов, пререкался с печатниками и давал еженедельно двадцать пять тысяч слов на самые разнообразные темы. Чем дальше, тем становилось труднее. «Волна» была честолюбива. Потребовались иллюстрации. Это вело к большим расходам. Денег не было даже для оплаты Кита Белью, и уж конечно не было средств для расширения штата.

— Вот что значит быть покладистым парнем, — проворчал однажды Кит.

— Благодарение богу за покладистых парней! — со слезами на глазах воскликнул О'Гара, пожимая Киту руку. — Вы спасли меня, Кит! Не будь вас, я вылетел бы в трубу. Потерпите еще чуточку, дружок, потом будет легче.

— Никогда, — жалобно простонал Кит. — Я ясно вижу свою судьбу. Так будет всегда.

Немного погодя ему пришла в голову мысль, как избавиться от этой работы.

Дождавшись удобного момента, он в присутствии О'Гара споткнулся о стул. Через несколько минут он ударился об угол стола и опрокинул дрожащими пальцами баночку с клеем.

— Кутнули вчера? — осведомился О'Гара.

Кит протер глаза руками и, прежде чем ответить, бросил на него испуганный взгляд.

— Нет, не в этом дело. Это глаза. Они отказываются работать. Вот что.

В течение нескольких дней он продолжал наткаться на все предметы конторской обстановки. Но сердце О'Гара не смягчалось.

— Вот что, Кит, — сказал он однажды, — вам надо пойти к окулисту. Хотя бы к доктору Хассданплю. Это драгоценный человек. Вам это ничего не будет стоить. Можно устроить за счет объявлений. Я сам переговорю с ним.

Он сдержал слово и направил Кита к окулисту.

— Ваши глаза в полном порядке, — заявил врач после внимательного осмотра. — Действительно, превосходные глаза — таких одна пара на миллион.

— Только не говорите этого О'Гара, — взмолился Кит. — И пропишите мне темные очки.

В результате О'Гара выразил Киту сочувствие и снова с жаром начал распространяться о том времени, когда «Волна» станет на ноги.

К счастью для Кита, у него были кое-какие доходы. Они, правда, были довольно скромны, но все же давали ему возможность состоять членом нескольких клубов и снимать мастерскую в Латинском квартале¹. С тех пор как Кит сделался соредактором «Волны», расходы его сильно сократились. Ему некогда было тратить деньги. Он

¹ В Латинском квартале живут главным образом художники, писатели, студенты.

больше не бывал в студии и перестал устраивать свои знаменитые, приготовленные на жаровне ужины, которыми он угощал прежде местную богему. Однако это не мешало ему сидеть теперь без гроша, ибо «Волна», которая вечно переживала финансовый кризис, поглощала вместе с его духовными силами и всю его наличность. Иллюстраторы периодически отказывались давать иллюстрации, печатники периодически отказывались печатать, и даже конторщик неоднократно отказывался исполнять свои обязанности. Во всех этих случаях О'Гара обращал на Кита молящий взор, а Кит делал все остальное.

Когда пароход «Эксельсиор» прибыл из Аляски и привез весть о том, что в Клондайке обнаружены золотые россыпи и что вся страна обезумела, Кит сделал своему издателю чрезвычайно легкомысленное предложение.

— Послушайте, О'Гара, — сказал он, — эта золотая горячка будет очень сильная — как в тысяча восемьсот сорок девятом году¹. Что, если бы поехать туда за материалом для «Волны»? Издержки я возьму на себя.

О'Гара покачал головой:

— Вы мне необходимы в редакции, Кит. И потом — как же будет с романом? Кстати, я только что встретил Джексона. Он уезжает завтра в Клондайк и дал согласие еженедельно присылать нам оттуда корреспонденции и фото. Я не отпустил его, пока он не пообещал мне; вся прелесть в том, что это нам ничего не будет стоить.

В тот же день Кит снова услышал о Клондайке — от своего дяди, с которым он встретился в уголке клубной библиотеки.

— Алло, дядюшка! — приветствовал он старика, опускаясь в кожаное кресло и с наслаждением вытягивая ноги. — Не хотите ли составить мне компанию?

Он заказал коктейль, но дядя удовольствовался своим излюбленным жиденьким красным вином местного производства. Он то и дело переводил неодобрительные, раздраженные взоры с коктейля на лицо племянника. Кит видел, что ему не миновать увещаний.

— У меня только одна минута времени, — поспешно заявил он. — Нужно побывать на выставке Кейта в галлерее Эллери и написать полетолбца.

¹ В 1849 году многих охватила «золотая горячка» в связи с открытием и разработкой калифорнийских рудников.

— Что это с тобой? — спросил дядюшка. — Лицо бледное, вид измученный...

Кит простонал в ответ.

— Я, очевидно, буду иметь удовольствие похоронить тебя, — продолжал дядя. — Это ясно, как день.

Кит грустно покачал головой:

— Благодарю вас. Я не охотник до червей. Предпочитаю крематорий.

Джон Белью принадлежал к крепкой и закаленной породе людей, которые в пятидесятых годах пересекли великую равнину в фургонах, запряженных волами. Основа у него была железная, заложенная в детстве, протекшем в обстановке завоевания новой страны.

— Не так ты живешь, Кристоф. Мне стыдно за тебя.

— Стезя греха и так далее? — усмехнулся Кит.

Старик пожал плечами.

— Не скорбите так обо мне, дядюшка. Я бы хотел, чтобы это была стезя греха. Но с этим давно покончено. У меня на это нет времени.

— Тогда что же?

— Переутомление.

Джон Белью разразился отрывистым, недоверчивым смехом:

— В самом деле? — Новый приступ смеха.

— Человек — это продукт окружающей его среды, — заявил Кит, указывая на дядюшкин стакан. — Ваше веселье такое же терпкое и жидкое, как и ваш напиток.

— Переутомление! — издевался дядюшка. — Да ведь ты за всю жизнь и цента не заработал!

— Пари, что заработал, только никогда не получаю заработанного. Как раз теперь я вырабатываю до пятисот долларов в неделю и работаю за четверых.

— Картины, которых никто не покупает? Или... э... э... еще какая-нибудь ерунда в том же роде? Умеешь ты плавать?

— Когда-то умел.

— Ездить верхом?

— Пробовал когда-то.

Джон Белью фыркнул с отвращением.

— Я рад, что твой отец умер и не может видеть тебя во всем блеске твоего ничтожества, — сказал он. — Твой отец был настоящий мужчина, до кончиков пальцев. Понимаешь ты? Мужчина! Думается мне, что он живо выко-

лотил бы из тебя все эти музыкальные и артистические бредни.

— Увы! В наши упадочные дни... — вздохнул Кит.

— Я понял бы тебя и, может быть, даже примирился бы со всей этой белибердой, если бы ты добился хоть в чем-нибудь успеха. Но ты не заработал в жизни ни единого цента и не сделал ничего, достойного мужчины.

— Гравюры, картины, веера, — с безутешным видом произнес Кит.

— Ты просто мазилка, да еще и неудачник к тому же. Какие картины ты пишешь? Бесцветные акварели да бредовые плакаты? И ничего никогда не выставлял, хотя бы даже здесь, в Сан-Франциско.

— А, нет, вы забыли! Ведь одна из моих картин висит в огромном зале этого самого клуба.

— Грубейшая карикатура! А музыка! Твоя нежная, но безрассудная мамаша выбрасывала на твои уроки сотни долларов. Но ты и тут остался дилетантом и неудачником. Ты ни разу не заработал хотя бы пяти долларов, аккомпанируя кому-нибудь в концерте. А твои песенки! Жалкие пустячки, которых никто не желает издавать. Их распевает только толпа этих жуликов из богемы.

— Я выпустил раз книгу, помните — сонеты, — кротко возразил Кит.

— А что это тебе стоило?

— Всего двести долларов.

— Еще какие достижения?

— Я поставил пьесу в летнем павильоне.

— А что она дала тебе?

— Славу.

— И ты когда-то плавал и пробовал ездить верхом! — Джон Белью с излишней энергией стукнул стаканом об стол. — На что же ты все-таки годеи, чорт возьми? Ведь ты всегда был здоровым малым, а между тем даже в университете не играл в футбол. Ты не греб. Ты не...

— Я занимался боксом и фехтовал... немного.

— Когда ты боксировал в последний раз?

— Давно. Говорили, что у меня превосходный глазомер и чувство дистанции, только меня считали... э... э...

— Ну, говори.

— Непостоянным.

— Ты хочешь сказать — ленивым.

— Мне самому казалось, что это было слишком мягкое выражение.

— Мой отец, сэр, а ваш дедушка Исаак Белью убил человека ударом кулака, когда ему было шестьдесят девять лет от роду.

— Кому, человеку?

— Нет, твоему дедушке, бесстыдник. Ты в шестьдесят девять лет и комара не убьешь.

— Времена изменились, о дядюшка! Теперь за убийство сажают в тюрьму.

— Твой отец проехал однажды сто восемьдесят миль верхом без передышки для сна и загнал трех лошадей.

— Если бы он жил в наши дни, он прохрапел бы всю дорогу в пульмановском вагоне.

Дядюшка чуть не задохнулся от негодования. Овладев собой, он с трудом выговорил:

— Сколько тебе лет?

— Вы, вероятно, сами...

— Да, знаю. Двадцать семь. Когда ты окончил университет, тебе было двадцать два года. Целых пять лет ты только и делал, что малевал, бренчал и кривлялся. Ну, соznайся же перед богом и людьми: на что ты годен? В твоём возрасте у меня была единственная смена белья. Я был объездчиком в Колюзе. Я был крепок, как камень, и мог спать на голом камне. Питался я солониной и медвежатиной. И вот даже теперь я физически крепче тебя. Твой вес, может быть, около ста шестидесяти пяти фунтов, а я хоть сейчас могу повалить тебя и расплющить вот этими кулаками.

— Для того чтобы поглощать коктейли и жидкий чай, не требуется чудес физической силы, — возразил Кит. — Разве вы не видите, дядюшка, что времена изменились? Да ведь и воспитание мое было неправильное. Моя дорогая безрассудная мать...

Джон Белью сердито поморщился.

— ...как вы сами выразились, была слишком добра ко мне, держала меня в вате, и тому подобное. Если бы я еще мальчиком принимал участие в тех поистине мужественных вылазках, которые вам так по душе... Кстати, почему вы никогда не брали меня с собой? Ведь захватили же вы Хэла и Робби, когда отправились в Сьерру и Мексику?

— Мне казалось, что ты чересчур смахиваешь на маленького лорда Фаунтлероя¹.

— По вашей вине, дядюшка, и по вине моей дорогой матери. Как же я мог закалить себя? Меня считали только ребенком. Что мне оставалось, кроме гравюр, картин и верев? Разве я виноват в том, что мне никогда не пришлось как следует попотеть?

Старик посмотрел на своего племянника с нескрываемым неодобрением. Он не мог больше выносить этого легкомыслия.

— Ну хорошо, я как раз собираюсь предпринять одну из тех вылазок, которые ты называешь поистине мужественными. Что, если бы я пригласил тебя на этот раз?

— С некоторым запозданием, нужно сознаться. Куда это?

— Хэл и Робби едут в Клондайк, и я собираюсь проводить их через перевал до озер. Оттуда я поверну обратно...

Он не кончил фразы, потому что молодой человек вскочил и схватил его за руку.

— Мой спаситель!

Джон Белью недоверчиво насторожился. Ему и в голову не приходило, что Кит примет его приглашение.

— Ты шутишь! — сказал он.

— Когда мы едем?

— Путешествие будет трудное. Ты нам помешаешь.

— Не помешаю. Я буду работать. Я научился работать, с тех пор как поступил в «Волну».

— Каждый должен взять с собой припасов на целый год. Туда нахлынет такая уйма народу, что индейцы не справятся с переноской багажа. Хэлу и Роберту придется на своих плечах перетаскивать свое снаряжение. Вот зачем я еду: хочу помочь им нести груз. Если ты поедешь с нами, тебе придется делать то же самое.

— Вот посмотрите.

— Но ведь ты не сможешь переносить тяжести, — возразил Джон Белью.

— Когда мы уезжаем?

— Завтра.

— Не думайте, пожалуйста, что на меня так подействовала ваша проповедь, — сказал Кит на прощанье. — Мне

¹ Лорд Фаунтлерой — герой известной повести Бернса.

попросту необходимо скрыться как-нибудь, куда-нибудь от О'Гара.

— Что еще за О'Гара? Япошка?

— Нет. Он ирландец. Надсмотрщик за рабами, мой лучший друг. Это издатель, собственник и величайший тиран «Волны». Все повинуется ему. Он умеет заставить других работать.

В этот же вечер Кит Белью написал О'Гара записку:

«Уезжаю в отпуск на несколько недель, — объяснил он. — Подыщите на это время кого-нибудь, кто мог бы строчить продолжение романа. Мне очень жаль, дружище, но дело идет о моем здоровье. Вернувшись, я приналягу на работу с удвоенной энергией».

II

Кит Белью высадился среди безумной суматохи на берег Дайе, заваленный тысячецудовым багажом тысяч людей. Эти огромные массы снаряжения и продовольствия, выгружаемые с пароходов на берег, начинали понемногу переправляться вверх по долине Дайе и через Чилькут. Переход протяжением в двадцать восемь миль можно было совершить только на собственных ногах, перенося тяжести на спине. Хотя цена за переноску фунта багажа поднялась с восьми центов до сорока, индейцы-носильщики были нарасхват, и всем было ясно, что наступающая зима застигнет большую часть снаряжения по эту сторону перевала.

Самым неопытным из всех новичков здесь был Кит. Как и сотни других новичков, он нацепил пояс с патронами, на котором болтался огромный револьвер. Дядя его, полный воспоминаний о прежних опасных странствиях, был также повинен в этом. Но Кит Белью был настроен романтически. Его пленял мишурный блеск золотой лихорадки, и он наблюдал за движением человеческого потока глазами художника. Он не относился к этому серьезно. Как он сказал еще на пароходе, это вовсе не похороны. Он просто едет в отпуск и собирается бросить взгляд через перевал, а затем вернуться домой.

Оставив своих спутников следить за выгрузкой багажа, Кит побрел вверх по песчаному берегу к старой фактории. На лице его не было того самодовольного выражения, которое он подметил у других молодых людей с револьверами. Его обогнал дюжий индеец, шести футов ростом, с огром-

ным тюком за плечами. Кит пошел за ним следом, любуясь великолепными икрами этого человека, а также грацией и непринужденностью, с которой он двигался, несмотря на тяжесть поклажи. Индеец опустил свой тюк на весы перед факторией, и Кит присоединился к кучке восхищенных зрителей, окруживших носильщика. Тюк весил сто двадцать фунтов¹, и эта цифра благоговейным шопотом передавалась из уст в уста.

«Это здорово!» подумал Кит и задал себе вопрос, сможет ли он поднять такую тяжесть да еще идти с нею.

— На озеро Линдерманн, приятель? — спросил он.

Индеец, надувшись от гордости, утвердительно буркнул.

— Сколько вы берете за такой тюк?

— Пятьдесят долларов.

На этом разговор оборвался. Внимание Кита привлекла молодая девушка, стоявшая на пороге. На ней не было ни спортивных бриджей, ни чрезмерно короткой юбки, как у других женщин, приехавших на пароходе. Она была одета так, как одевается обыкновенная женщина, отправляясь в путешествие. Его поразило впечатление, что она именно здесь и должна быть, что она как-то связана с окружающим. К тому же она была молода и красива. Сияющая красота и прелесть ее овального лица приковали его взгляд, и он долго любовался ею, до тех пор, пока девушка не почувствовала, что на нее смотрят. Тогда ее глаза, темные, с длинными ресницами, в свою очередь поднялись на Кита с холодным любопытством. С его лица они с явной иронией скользнули на большой револьвер. Затем ее глаза вновь встретились с его взглядом, и в них отразилась презрительная насмешка, задевшая его, как удар хлыста. Девушка обернулась и указала на Кита стоявшему рядом с нею человеку. Тот взглянул на Белью с таким же ироническим выражением.

— Чечако, — сказала девушка.

Человек, похожий на бродягу в своих дешевых брюках и разодранной шерстяной куртке, сухо усмехнулся, и Кит, сам не зная почему, почувствовал себя оскорбленным. «Но как бы там ни было, а она необыкновенно красивая девушка», решил он, когда те двинулись. Он обратил внимание

¹ Английский фунт — несколько меньше полукилограмма (450 граммов).

на ее походку и решил, что узнает ее и через тысячу лет.

— Видали этого человека с девушкой? — с жаром осведомился у Кита его сосед. — Знаете, кто это?

Кит покачал головой.

— Карибу Чарли. Мне только что показали его. Ему здорово повезло в Клондайке. Старожил. На Юконе уже лет десять. Как раз сейчас уезжал на время.

— Что значит «чечако»? — спросил Кит.

— Вы чечако. И я тоже, — последовал ответ.

— Может быть. Но вы мне объясните, что это значит.

— Новичок.

Возвращаясь обратно на берег, Кит не переставал повторять про себя это слово. Не очень-то приятно мужчине, когда такая вот нежная барышня называет его новичком.

Все еще под впечатлением силы индейца, Кит забрался в проход между тюками и решил попробовать свои собственные силы. Он выбрал мешок муки, в котором, как он знал, было сто фунтов весу, широко расставил ноги, нагнулся и попробовал взвалить его себе на плечи. Первой его мыслью было, что сто фунтов — порядочная тяжесть. Второй — что спина его недостаточно крепка. Потом он выругался и наконец после пяти минут бесплодных усилий свалился под непосильной тяжестью. Он вытер пот со лба и в ту же минуту увидел над грудой мешков с продовольствием лицо своего дядюшки Джона Белью, неприязненно и насмешливо следившего за ним.

— Господи! — возгласил этот апостол мужества. — Как это от нас произошло такое жалкое потомство? Когда мне было шестнадцать лет, я играючи справлялся с такими пустяками...

— Но вы забываете, дядюшка, — возразил Кит, — что меня-то не кормили с детства медвежатиной.

— ...и играючи справлюсь с ними, когда мне стукнет шестьдесят.

— А ну покажите, как вы это делаете.

И Джон Белью показал ему. Дядюшке было сорок восемь лет, но он нагнулся над мешком, крепко схватил его, немного раскачал и, выпрямившись, быстрым движением перекинул стофунтовый груз через плечо.

— Сноровка, мой мальчик, сноровка и крепкая спина!

Кит почтительно снял шляпу.

— Вы чудо, дядюшка, поразительное чудо! Как вы думаете, сумею ли я приобрести такую сноровку?

Джон Белью пожал плечами.

— Ты удерешь, прежде чем мы тронемся в путь.

— И не подумаю, — пробурчал Кит. — Там меня ждет О'Гара, рыкающий лев, и я не вернусь к нему, пока будет хоть какая-нибудь возможность оставаться здесь.

III

Первое испытание Кита прошло успешно. До Финнеганского перекрестка удалось подрядить индейцев, которые взялись перенести две тысячи пятьсот фунтов снаряжения. Начиная с этого места предстояло тащить поклажу на собственной спине. Было решено проходить ежедневно по одной миле. Это очень легко на бумаге. Джон Белью должен был оставаться на стоянках и стряпать, поэтому он лишь изредка мог помогать в переноске груза. Таким образом, каждому из трех молодых людей нужно было ежедневно перетаскивать восемьсот фунтов на расстояние одной мили. Поднимая по пятидесяти фунтов за раз, каждый из них должен был сделать в день шестнадцать миль с поклажей и пятнадцать налегке.

«Потому что в последний раз нам ведь не придется возвращаться!» сделал приятное открытие Кит. При восьмидесяти фунтах груза надо было делать ежедневно девятнадцать миль, а при ста — только пятнадцать.

— Я не люблю ходить, — сказал Кит, — поэтому понесу сто фунтов. — Он подметил недоверчивую усмешку на лице дяди и поспешно добавил: — Конечно, мне придется потренироваться сначала. Всем этим штукам и трюкам надо учиться. Я начну с пятидесяти фунтов.

Он так и сделал и, взвалив на себя тук, бодро двинулся в путь. Пройдя милю, он сбросил груз и легким шагом вернулся обратно. Это оказалось легче, чем он думал. Но две мили стерли ворс с его силы, обнаружив дряблую основу. Второй его тук весил шестьдесят пять фунтов. Это было уже значительно труднее, и Кит утратил свою первоначальную прыть. Несколько раз за время перехода он, по примеру всех носильщиков, присаживался на землю и прислонял груз, не сбрасывая его с плеч, к камню или пню. Когда дело дошло до третьего тука, Кит окончательно возгордился. Он прикрепил к ремням мешок бобов в девяно-

сто пять фунтов и двинулся в путь. К концу первых шагов он почувствовал, что силы покидают его. Он присел и вытер с лица пот.

— Короткие переходы и короткие передышки, — пробормотал он, — вот в чем трюк.

Иногда ему не удавалось сделать даже полных шагов, и всякий раз, как он, передохнув, снова поднимался на ноги, ноша становилась несомненно тяжелее. Он задыхался и весь обливался потом. Не пройдя и четверти мили, он снял свою шерстяную фуфайку и повесил ее на дерево. Немного погодя сбросил шляпу. К концу первой полумили он почувствовал, что больше не может. Никогда в жизни он не делал таких усилий; он был уверен, что пришел его конец. Он сидел задыхаясь, как вдруг взгляд его упал на огромный револьвер и тяжелый пояс с патронами.

— Десять фунтов лишку, — ухмыльнулся он, отстегивая пояс.

Он даже не потрудился повесить его на дерево, а просто швырнул в придорожный кустарник. Наблюдая за потоком навьюченных людей, тащившихся мимо него вверх и вниз, он увидел, что и другие новички отстегивали свое огнестрельное оружие.

Короткие переходы приходилось еще больше сокращать. Подчас он с трудом, шатаясь, проходил шагов сто и вынужден был делать передышки, так как сердце его злоежилось, кровь стучала в висках и барабанных перепонках, а колени отвратительно дрожали. Передышки становились все длиннее. Однако мозг его не переставал работать. Перед ним лежало еще двадцать восемь миль пути, то есть двадцать восемь дней такого труда, а это, по общим отзывам, была еще самая легкая часть дороги.

— Вот подождите, доберемся до Чилькута, — говорили ему спутники, останавливаясь, чтобы поболтать и передохнуть. — там придется карабкаться на четвереньках.

— Никакого Чилькута не будет, — отвечал он. — Для меня во всяком случае. Задолго до Чилькута я успокоюсь в могилке, покрытой мохом.

Раз он поскользнулся и сделал отчаянное усилие, чтобы удержаться. Это напугало его. Он почувствовал, как все внутри его оборвалось.

— Если я свалюсь когда-нибудь с этим грузом на спине, пиши пропало, — сказал он одному из своих попутчиков.

— Это что! — ответил тот. — Подождите, доберемся до Большого Ущелья, там придется перебираться через бешеный поток по сосновому стволу в шестьдесят футов длины. Ни поручней, ни веревок. А бревно прогибается, и вода бурлит и захлестывает до колен. Если вы свалитесь с мешком на спине, никакой возможности освободиться от ремней. Остается одно — тонуть.

— Что ж, это неплохо, — возразил Кит. Безумная усталость заставляла его почти мечтать о таком конце.

— Там ежедневно тонет три-четыре человека, — уверял его собеседник. — Я раз помог выудить оттуда одного немца, на нем нашли четыре тысячи кредитками.

— Весело, нечего сказать, — произнес Кит, с трудом поднимаясь на ноги и снова пускаясь в путь.

Он и его мешок с бобами — это была какая-то ходячая трагедия. Ему вспомнился злой дух, сидевший на спине Синдбада¹. Вот она, истинно мужественная работа, размышлял он. По сравнению с этим рабство у О'Гара казалось милым. По временам он готов был поддаться искушению — пивырнуть мешок с бобами в кусты, обогнуть, крадучись, стоянку, помчаться к берегу, сесть на пароход и вернуться к цивилизации.

Но он этого не сделал. Где-то в глубине его существа была заложена крепкая воля, и он беспрестанно твердил про себя, что то, что делают другие, может сделать и он. Эти слова, как навязчивая мысль, не оставляли его, и он бормотал их всем, кто проходил мимо него. Иногда, в минуты отдыха, он с завистью рассматривал крепких индейцев с ногами мулов, когда они проходили мимо, нагруженные несравненно большими тяжестями. Они, повидимому, никогда не отдыхали и двигались с твердостью и уверенностью, которая ужасала его.

Он сидел и ругался (на ходу у него нехватало на это дыхания), борясь с искушением удрать обратно в Сан-Франциско. Прежде чем кончилась миля, он перестал браниться и принялся плакать.

Это были слезы усталости и отвращения к себе. Если когда-нибудь был на свете слабый, жалкий человек, так это он. Когда уже стал виден конец перехода, он сделал последнее отчаянное усилие, добрался до стоянки и повалил-

¹ Синдбад-Мореход — один из героев арабских сказок «Тысяча и одна ночь».

ся ничком на землю, так и не сняв со спины мешка с бобами. Он не умер, но пролежал минут пятнадцать, прежде чем собрался с силами, чтобы освободиться от ремней. Тут он почувствовал себя смертельно разбитым и больным. Таким его нашел Робби, состояние которого было не лучше. Именно это приободрило Кита.

— То, что могут делать другие, можем сделать и мы, — сказал Кит, хотя в глубине души у него было другое мнение: не пустое ли это бахвальство с его стороны?

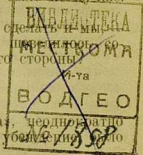
IV

«Мне двадцать семь лет, и я мужчина», — неоднократно убеждал он себя в следующие дни. Такое убеждение было необходимо.

За первую неделю, в течение которой он ежедневно переносил восемьсот фунтов груза на милю вперед, Кит потерял пятнадцать фунтов собственного веса. Лицо его вытянулось и приобрело страдальческое выражение. И тело и мозг его утратили всякую эластичность. Он уже не шел, а тащился, и на обратных переходах, идя налегке, волочил ноги почти с таким же трудом, как и под тяжестью стофунтовой ноши.

Он стал вячным животным. Он засыпал над едой, и сон его был тяжел и крепок, как у животного. Иногда он просыпался и вскрикивал от мучительных судорог, которые сводили его ноги; все тело болезненно ныло. От ходьбы на ногах появлялись и лопались волдыри; но это было не так больно, как ужасные синяки и кровоподтеки от обточенных водою валунов, по которым на протяжении двух миль шла дорога в долине Дайе. А ведь эти две мили означали тридцать восемь миль ходьбы с грузом туда и обратно. Он мыл лицо только раз в день, а ногти, сломанные, изуродованные, с заусенцами, никогда не чистил. Боль в плечах и руках от глубоко врезавшихся ремней заставила его в первый раз сочувственно подумать о лошадях, которых он столько раз видел на городских улицах.

Одной из пыток, чуть не доконавших его вначале, была еда. Огромная физическая работа требовала усиленного питания, а желудок его не был приспособлен к непомерным порциям бекона и грубых, неудобоваримых темных бобов. В результате желудок отказался работать, и в течение нескольких дней боли и раздражение, вызываемые голодов-

кой и расстройством, едва не сломили его окончательно. Но потом пришел радостный день, когда он оказался в состоянии есть, как прожорливое животное, и с жадными волчьими глазами просить еще и еще.

Благополучно переправив у входа в ущелье весь груз через поток по бревнам, путники изменили свой план. Из-за перевала дошли слухи, что в окрестностях озера Линдорманн не осталось ни одного дерева, пригодного для постройки лодки. Тогда оба кузена, нагрузив на себя инструменты, пилы, одеяла и запасы продовольствия, двинулись вперед, оставив Кита с дядей перетаскивать остальной багаж. Теперь Джон Белью стряпал вместе с Китом, и они рядом шли с грузом. Время летело быстро, и вскоре на вершинах выпал первый снег. Если бы зима застигла их по эту сторону перевала, они потеряли бы целый год. Поэтому дядюшка подставил свою железную спину под стофунтовую тяжесть. Кит почувствовал вначале некоторое смущение, но затем стиснул зубы и прикрепил к своим ремням такой же груз. Это было тяжело, но он успел уже порядком приспособиться, и тело его, окрепшее и избавившееся от лишнего жира, начинало приобретать крепкую, сухую мускулатуру. К тому же он наблюдал и изобретал. Он сразу обратил внимание на приспособление из ремней, которое индейцы носили на голове, и смастерил себе такое же, чтобы пользоваться им одновременно со спинными ремнями. Это значительно облегчало дело и давало ему возможность класть на тук еще какой-нибудь добавочный не тяжелый, но громоздкий пакет. Таким образом он научился переносить по сто фунтов на ремнях и одновременно поддерживать затылком какой-нибудь пятнадцати-двадцатифунтовый предмет, который свободно лежал на тюке. В одной руке он нес топор или пару весел, а в другой — вложенные друг в друга походные котелки.

Но, несмотря на все усилия носильщиков, их работа становилась все труднее. Дорога делалась хуже, груз тяжелее, а снежная линия на горах с каждым днем спускалась все ниже. Плата за переноску багажа вскочила до шестидесяти центов за фунт. От кузенов не приходило никаких вестей; очевидно, Хэл и Роберт все еще были заняты рубкой и распилкой леса. Джон Белью забеспокоился. Встретив на пути нескольких индейцев, возвращавшихся с озера Линдорманн, он уговорил их взяться за переноску груза. Они потребовали по тридцати центов за фунт, чтобы доне-

сти поклажу до вершины Чилькута; это было разорительно. Но, несмотря на помощь носильщиков, около четырехсот фунтов груза — одежда и лагерное снаряжение — все же осталось на месте, и Джон Белью взялся перенести их собственными силами, отправив Кита с индейцами вперед. На вершине Чилькута Кит должен был остаться и понемногу переносить груз дальше, пока к нему не присоединится дядя со своими четырьмястами фунтами.

V

Кит тащился по дороге с носильщиками-индейцами. Ввиду того что до вершины Чилькута расстояние немалое, он сократил свой груз до восьмидесяти фунтов.

Индейцы шли со своим грузом более быстрой походкой, чем обычно шел Кит. Однако теперь это его не пугало: он уже привык считать себя почти равным любому индейцу.

Через четверть мили ему захотелось отдохнуть. Но индейцы продолжали путь, и Кит пошел дальше вровень с ними. Пройдя еще полмили, он решил, что не в силах сделать больше ни единого шага. Тем не менее он стиснул зубы и продолжал путь, а к концу мили с большим удивлением убедился, что все еще жив. Затем, как это ни странно, наступил перелом, и вторая миля показалась ему даже легче первой. Третья миля чуть не убила его. Но, почти в беспамятстве от усталости и боли, он все же не позволял себе издать стон или вздох. И в ту минуту, когда он почувствовал, что теряет сознание, индейцы сделали привал. Вместо того чтобы опуститься на землю вместе с грузом, как делали это обычно белые, индейцы освободились от плечевых и головных ремней и удобно растянулись на земле, куря и болтая. Прошло добрых полчаса, прежде чем они снова двинулись в путь. Кит с большим удивлением почувствовал, что совершенно освежился, и с этой минуты сделал своим правилом долгие переходы и долгие передышки.

Чилькут вполне оправдал все то, что о нем говорили. Киту пришлось немало поработать руками и ногами, карабкаясь по скалам. Но когда он добрался до перевала в снежную вьюгу вместе с индейцами, он почувствовал в глубине души большую гордость оттого, что ни разу за все время пути не крикнул, ни разу не отстал от спутников.

Теперь у него появилась новая честолюбивая мечта: стать таким же выносливым и сильным, как индейцы.

Когда он расплатился с носильщиками и они ушли, спустилась темная, бурная ночь, и он был один на перевале хребта, на тысячу футов выше линии лесов. Промокший до пояса, голодный и измученный, он отдал бы в эту минуту весь свой годовой доход за огонь и чашку кофе. Вместо этого он съел несколько холодных оладий и зарылся в полуразвернутую палатку. Перед сном он успел только со злорадством представить себе, как Джон Белью будет мужественно карабкаться на вершину Чилькута со своими четырьмястами фунтами. Хотя ему самому надо было тащить две тысячи фунтов, но ведь путь его лежал теперь под гору. С одеревяневшим от работы и окоченевшим от холода телом проснулся он утром, выполз из палатки, уничтожил фунта два сырой грудинки, привязал к ремням стофунтовый тук и начал спускаться по скалистой тропинке. На несколько сот ярдов ниже тропинка пересекала небольшой ледник и сбегала дальше к озеру Кратер. Какие-то люди шли с грузом через ледник. Весь этот день Кит складывал свои туки у верхнего края ледника; незначительность расстояния позволяла ему переносить по сто пятьдесят фунтов сразу. Он сам не мог надивиться собственной доблести. За два доллара он купил у индейца три окаменевших морских сухаря и съел их в течение дня с огромным количеством сырого бекона.

Не умывшись и не согревшись, он свалился в промокшей от пота одежде и проспал, завернувшись в палатку, вторую ночь.

Рано утром он разостлал на льду брезент и погрузил на него три четверти тонны. Затем он потащил его по скользкой поверхности. В том месте, где спуск ледника становился круче, груз стал развивать все большую скорость, обогнал его, подхватил и понес дальше, как на салазках.

Сотни путников, нагруженных поклажей, останавливались, глядя на него. Он отчаянно кричал, предостерегая тех, кто находился на его пути, и они, спотыкаясь, отскакивали в сторону. У нижнего края ледника стояла маленькая палатка. Казалось, что она скачет ему навстречу, так быстро она росла. Он свернул с протоптанной дорожки в том месте, где она отклонилась влево, и понесся по нетропутому снегу. Морозная пыль, как облако дыма, окружила

его, замедляя скорость движения. Он увидел палатку только в ту минуту, когда врезался в нее, сорвал боковые колышки, прорвал лицевое полотнище и, все еще сидя на своем брезенте среди груды мешков с продовольствием, влетел внутрь палатки. Она закачалась, как пьяная, и в облаке густого пара Кит увидел перед собой изумленное лицо молодой женщины, которая сидела, завернувшись в одеяла. Это была та самая девушка, которая назвала его в Дайе «чечако».

— Видели вы, какой я поднял дым? — весело осведомился он.

Она окинула его неодобрительным взглядом.

— Рассказывайте после этого о коврах-самолетах, — продолжал Кит.

— Не потрудитесь ли вы убрать с моей ноги этот мешок? — холодно спросила она.

Он осмотрелся и быстро привстал.

— Это не мешок, а мой локоть. Простите.

Эта поправка, однако, несколько не смягчила молодую женщину, и она произнесла все с той же вызывающей холодностью:

— Хорошо еще, что вы не перевернули печку.

Он проследил за ее взглядом и увидел железную печурку и гревшийся на ней кофейник, за которым присматривала молодая индианка. Кит потянул носом аромат кофе и снова взглянул на девушку.

— Ведь я чечако, — сказал он.

По ее скучающему выражению он понял, что это для нее ясно и без слов; но это его несколько не смутило.

— Я бросил свое огнестрельное оружие, — прибавил он. Только тут она узнала его, и взгляд ее смягчился.

— Не думала, что вы заберетесь так далеко, — заявила она.

Он снова с жадностью втянул воздух.

— Кофе, клянусь жизнью! — Он повернулся к девушке и прямо обратился к ней: — Я отдам свой мизинец — можете отрубить его сейчас же, — я сделаю все, что вы прикажете, я стану вашим рабом на один год и один день или на сколько вы пожелаете, если вы мне дадите чашку кофе!

За чашкой кофе он назвал ей свое имя и узнал, что ее зовут Джой Гастел. Он узнал также, что она уже давно живет в этой стране, что она родилась на одной из факто-

рий у Большого Невольничьего озера, еще ребенком переправилась с отцом через Скалистые горы и спустилась в бассейн Юкона. Сейчас она путешествует со своим отцом, которого дела задержали в Ситгле, а затем он потерпел крушение на злополучном «Чантере» и был доставлен в пролив Пюджет-Саунд подоспевшим на помощь пароходом.

Ввиду того что девушка продолжала сидеть закутанная в одеяло, Кит не стал затягивать разговор и, героически отказавшись от второй чашки кофе, убрался из палатки вместе с четвертью тонны своего груза. Кроме того, он унес с собой еще несколько выводов, а именно: что у девушки прелестное имя и прелестные глаза, что ей, наверное, двадцать, самое большее двадцать два года, что отец ее, должно быть, француз и что она женщина с характером и темпераментом и воспитание получила, несомненно, не здесь, на далекой окраине.

VI

По обледенелым скалам, над линией лесов, тропа огибала озеро Кратер и спускалась по скалистому ущелью к Счастливому Лагерю и первым жалким тонким соснам. Нужно было потратить много времени и изнурительного труда, чтобы переправить этим путем тяжелое снаряжение. На озере стояла парусная лодка, которой пользовались для перевозки грузов. В два рейса, за два часа, тонна груза была бы переправлена на ту сторону. Но Кит был разорен дочиста, а лодочник просил сорок долларов за тонну.

— Для вас, мой друг, эта жалкая лодка — настоящая золотая россыпь, — сказал ему Кит. — Не хотите ли приобрести еще такую же россыпь?

— Укажите, — заявил лодочник.

— Я укажу ее вам, если вы согласитесь переправить за это мой багаж. Идея превосходная и патент на нее еще не взят, так что вы сможете приняться за дело, как только я объясню вам, в чем заключается фокус. Идет?

Лодочник согласился. Киту понравилось его лицо.

— Прекрасно. Видите вон тот ледник? Берите кирку и отправляйтесь туда. За один день вы прорубите прекрасный жолоб сверху донизу. Смекаете, в чем дело? Канал Чилькут—Кратер. Консолидированное Транспортное общество с ограниченной ответственностью. Вы можете брать по пятьдесят центов за сто фунтов и переправлять по сотне

Сидя на своем брезенте среди груды мешков с продовольствием,
он встал внутрь палатки.

тонн в день. А весь ваш труд будет заключаться только в том, чтобы собирать монету.

Через два часа Кит со своим грузом был на противоположном берегу, выиграв таким образом целых три дня. Поэтому, когда Джон Белью нагнал племянника, тот был уже вблизи Глубокого озера, другого вулканического углубления, наполненного ледяной водой.

VII

Последний переход, от Долгого озера до озера Линдерманн, равнялся трем милям, и тропа — если только это можно было назвать тропой — загибалась кверху, переваливала через тысячефутовый хребет и сбегала вниз по скользким скалам, пересекая по пути широкую полосу болот. Джон Белью запротестовал, когда Кит привязал за спину стофунтовый тюк и положил на него дополнительный груз — пятидесятифунтовый мешок муки, который должен был упирается в его затылок.

— А ну-ка, поклонник выносливости! — подшучивал Кит. — Вы, с вашей медвежатиной и единственной сменой белья!

Но Джон Белью покачал головой.

— Боюсь, что я начинаю стариться, Кристоф.

— Вам всего сорок восемь лет. Можете себе представить, что мой дедушка, а ваш отец, старый Айзек Белью, в шестьдесят девять лет уложил кулаком человека?

Джон Белью ухмыльнулся и проглотил нипюлю.

— Между прочим, дядюшка, я должен сообщить вам чрезвычайно важную новость. Воспитывали меня, как лорда Фаунтлероя, но я могу в любой момент перещеголять вас в выносливости и ходьбе, уложить вас на обе лопатки или обработать вот этими кулаками.

Джон Белью протянул племяннику руку и торжественно произнес.

— Кристоф, мой мальчик, я верю, что ты это можешь сделать. Я верю, что ты можешь это сделать, даже не снимая тюк со спины. Ты так изменился к лучшему, мой мальчик, что это просто немыслимо и невероятно.

Кит ежедневно покрывал последний переход четыре раза в оба конца — а это значило, что он проделывал ежедневно двадцать четыре мили в гору и двенадцать под гору с грузом в полтораста фунтов на спине. Он был горд, бодр и,

несмотря на усталость, физически в прекрасной форме. Он ел и спал, как никогда еще не ел и не спал в своей жизни, и, видя, что работа приближается к концу, почти жалел об этом.

Одно только тревожило его. Он знал, что останется жив, если свалится со стофунтовым грузом за спиной, но его мучила мысль о добавочных пятидесяти фунтах, которые, как ему казалось, должны непременно сломать ему при падении шею. Все тропинки через болото очень быстро превращались в бездонное месиво тысячами носильщиков, проходивших по ним; приходилось беспрерывно прокладывать все новые дорожки. Именно прокладывая такую новую тропинку, Кит разрешил проблему о добавочных пятидесяти фунтах.

Мягкая топкая поверхность подалась под ним; он пошатнулся и упал ничком. Груз в пятьдесят фунтов вдавил его голову в грязь и шлепнулся в болото, не сломав ему шеи. С остальной стофунтовой поклажей на спине он поднялся на четвереньки, но дальше этого дело не шло. Одна рука его тотчас же погрузилась по плечо в трясину, заставив Кита приложиться щекой к грязи. Когда он вытащил эту руку, моментально погрузилась по плечо другая. В таком положении невозможно было освободиться от ремней, а стофунтовая поклажа не давала ему подняться на ноги. Он сделал попытку подползти на четвереньках к тому месту, куда свалился мешок с мукой, но руки его поочередно увязали в топкой грязи, и скоро он выбился из сил, не подвинувшись ни на шаг. При этом травянистый покров прорвался, и в опасном соседстве с его носом и ртом начала образовываться маленькая лужица. Кит попробовал перевернуться на спину, так чтобы тюк оказался под ним, но от этого движения обе руки его погрузились по плечи, и он почувствовал, что тонет. С изумительным терпением он медленно вытащил сначала одну, потом другую руку и положил плашмя на поверхность болота, чтобы создать опору для подбородка. Затем он начал звать на помощь. Через некоторое время он услышал чавкающий звук шагов, как будто кто-то приближался к нему сзади.

— Эй, приятель, помогите! — крикнул он. — Бросьте мне веревку или что-нибудь такое.

В ответ он услышал женский голос и тотчас же узнал его.

— Если вы развяжете мои ремни, я сумею сам подняться на ноги.

Стофунтовый груз громко чавкнул, шлепнулся в грязь, и Кит медленно, с трудом поднялся на ноги.

— Нечего сказать, положеньице! — расхохоталась мисс Гастел, увидев его покрытое грязью лицо.

— Положение прекрасное, — возразил он весело. — Это мое любимое гимнастическое упражнение. Попробуйте как-нибудь — замечательно укрепляет грудные мышцы и позвоночник.

Он вытер лицо и бодрым движением стряхнул с руки грязь.

— О! — воскликнула она, только тут узнав Кита. — Это мистер... мистер Смок¹ Белью?

— Премного вам благодарен за своевременную помощь и за это имя, — ответил Кит. — Я получил второе крещение. Отныне я потребую, чтобы меня всегда называли Смок Белью. Это славное имя, и я вижу в нем глубокий смысл.

Он остановился, затем заговорил вдруг с силой и выражением.

— Знаете, что я намерен сделать? — спросил он. — Я вернусь в штаты. Я женюсь там. Обзаведусь многочисленной семьей. А затем как-нибудь вечером я соберу вокруг себя детей и расскажу им про те мытарства и испытания, через которые я прошел на этом чиликутском пути. И если они не заревут, — я повторяю, если они не заревут, я выколочу из них дух.

VIII

Арктическая зима быстро надвигалась. Выпавший снег лежал шестидюймовым покровом, и спокойные горные озера постепенно затягивались льдом, несмотря на неистово дувшие ветры. Раз в сумерки под завывание метели Кит и Джон Белью помогали кузенам грузить лодку и долго следили потом, как она исчезала в снежном вихре.

— А теперь нужно как следует выспаться и завтра встать пораньше, — сказал Джон Белью. — Если выюга не задержит нас на вершине, мы придем в Дайе завтра к вечеру. А если к тому же нам посчастливится захватить какой-нибудь пароход, то через неделю мы будем в Сан-Франциско.

¹ Smoke (англ.) — дым.

— Вы остались довольны вылазкой? — рассеянно спросил Кит.

Их стоянка в эту последнюю ночь у озера Линдермани имела грустный вид. Все нужные вещи, включая палатки, были увезены кузенами. Дырявый брезент, натянутый для защиты от ветра, плохо прикрывал их от снежной вьюги. Ужин они сварили на костре, используя для этой процедуры несколько поломанных и разрозненных лагерных инструментов. У них оставались только одеяла и запас пищи на несколько дней.

Проводив лодку, Кит сделался рассеян и задумчив. Дядя заметил в нем эту перемену и приписал ее реакции после сильного напряжения. За ужином Кит произнес только одну фразу.

— Дядюшка, — сказал он вдруг ни с того ни с сего, — я хочу, чтобы отныне вы называли меня Смоком¹. Я, кажется, порядочно натерпелся за это путешествие.

Через несколько минут он вышел и направился к палаткам золотоискателей, занятых нагрузкой или постройкой лодок. Он пропал несколько часов и когда вернулся и лег под одеяло, Джон Белью уже спал.

В темноте бурного утра Кит выполз, отогрел на огне свои замерзшие сапоги, сварил кофе и поджарил грудинку. Это был скудный, еле теплый завтрак. Покончив с едой, дядя и племянник связали свои одеяла, но в тот момент, когда Джон Белью повернулся, чтобы пуститься в обратный путь по Чилькутской дороге, Кит протянул ему руку.

— До свиданья, дядюшка, — сказал он.

Джон Белью посмотрел на него и выругался от изумления.

— Не забывайте, что меня зовут Смок, — сказал Кит.

— Да что ты задумал?

Кит сделал неопределенный жест в сторону севера, туда, где над озером носилась вьюга.

— Какой смысл возвращаться назад, когда я забрался так далеко? — спросил он. — Кстати, я узнал вкус мяса, и он понравился мне. Я иду дальше.

— Но ведь у тебя нет ни денег, ни снаряжения, — возразил Джон Белью.

— Я получил работу. Вот: ваш племянник Кристофер Смок Белью получил работу! Теперь он будет прислужи-

¹ Smoke — не только дым, дымить, но и пострадать, потерпеть.

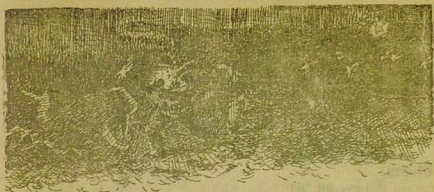
вать джентльмену и получать за это сто пятьдесят долларов в месяц и продовольствие. Он отправляется в Даусон с двумя денди и еще одним слугой в качестве походного повара, лодочника и всего такого прочего. А что касается О'Гара и «Волны», пусть провалятся к чорту. До свиданья.

Но Джон Белью был так поражен, что мог пробормотать только одно:

— Ничего не понимаю.

— Говорят, что в бассейне Юкона медведи жирные, — пояснил Кит. — А у меня, видите ли, всего одна смена белья, и я отправляюсь за медвежьим мясом. Вот и все.

НА БАБИЙ РУЧЕЙ ЗА ЗОЛОТОМ

I

Спустя два месяца Смок Белью и Шорти¹, вернувшись с охоты на оленей, снова очутились в салуне² «Элькгорн» в Даусоне. Охота была закончена, мясо доставлено в Даусон и продано по два с половиной доллара за фунт; у них, таким образом, оказалось три тысячи долларов в золотом песке и хорошая упряжка собак. Им очень повезло. Несмотря на то что толпы золотоискателей загнали дичь за сотню миль в горы, им удалось на полпути от города подстрелить в узком ущелье четырех оленей.

Появление оленей в такой близости от жилья было так же удивительно, как и счастье наших охотников, ибо в этот самый день Смок и Шорти встретили на пути четыре голодные индейские семьи, которым уже три дня не попадалось никакой дичи. Друзья выменяли у них за мясо полумертвых от голода собак; в продолжение недели они откармливали животных, затем запрягли их и повезли мясо на жадный рынок Даусона.

¹ Шорти — по-английски «коротышка», прозвище товарища Смока.

² Салун — бар, кабачок, гостиница.

Теперь задача заключалась в том, чтобы превратить золотой песок в продовольствие. Фунт муки или бобов стоил на рынке полтора доллара, но и за эту цену трудно было найти желающего продать их. В Даусоне царил настоящий голод. Сотни людей с деньгами, но без продовольствия вынуждены были покидать страну. Многие отправились вниз по реке перед самым ледоставом, а еще больше золотонискателей, обладавших кое-какими жалкими запасами, прошли шестьсот миль по льду в Дайе.

В жарко натопленном салуне Смок встретил ликующего Шорти.

— Жизнь ни черта не стоит без виски и сластей! — таким приветствием встретил товарища Шорти, обтряхивая с подтаявших усов ледяные сосульки, которые со звоном падали на пол. — А я как раз раздобыл целых восемнадцать фунтов этих самых сластей. Дуралей-продавец спросил всего по три доллара за фунт. А тебе как повезло?

— Я тоже не зевал, — ответил с гордостью Смок. — Мне удалось купить пятьдесят фунтов муки. А один человек с Адамова ручья пообещал доставить мне завтра еще пятьдесят.

— Здорово! Теперь мы несомненно продержимся до тех пор, пока вскрыется река. Знаешь, Смок, наши-то псы, оказывается, что надо. Скупщик собак предложил мне тысячу долларов за пять штук, по двести за каждую. Я сказал ему, что дело не пойдет. Собаки, конечно, будут первый сорт, если давать им жрать мясо. Но ведь нелепо скормливать псам нищу по два с половиной доллара за фунт. Ну-ка, вынем, товарищ. Я хочу вспрыснуть эти восемнадцать фунтов сластей.

Несколько минут спустя, когда на весах отвешивали из мешка Шорти золотой песок за выпитое, Шорти вдруг хлопнул себя по лбу:

— Совсем из головы вон, что у меня назначено в «Тиволи» свиданье с одним человеком! У него есть испорченный бекон, который он отдает по полтора доллара за фунт. Мы сможем кормить им собак и сэкономим таким образом по доллару в день на каждой кормежке. Ну, до скорого свиданья.

— До скорого, — ответил Смок. — Я загляну в хижину и вернусь сюда.

Не успел Шорти выйти, как в двойные двери салуна вошел закутанный в меха человек.

Лицо его просияло при виде Смока, который узнал в нем золотонискателя Брека, чью лодку он провел через Ящичное ущелье и через пороги Белого Коня.

— Мне сказали, что вы в городе, — торопливо заговорил Брек, пожимая Смоку руку. — Я уже полчаса ищу вас повсюду. Выйдем на улицу, мне нужно поговорить с вами.

Смок с сожалением посмотрел на гудящую, раскаленную докрасна печь.

— А нельзя ли здесь?

— Нет. Дело важное. Выйдем.

Когда они вышли, Смोक снял одну из своих рукавиц, зажег спичку и посмотрел на градусник, висевший снаружи на дверях. Он поспешно сунул в варежку обнаженную руку, словно мороз обжег ее. Над головой пламенело северное сияние, а со всех концов Даусона доносился мрачный вой тысяч волкодавов.

— Что говорит градусник? — спросил Брек.

— Шестьдесят ниже нуля. — Кит плюнул для опыта, и слюна тотчас же замерзла в воздухе. — А ртуть и не думает останавливаться. Она падает все ниже и ниже. Час назад было всего пятьдесят два. Не говорите о том, чтобы бежать куда-то за золотом.

— Вот именно об этом, — прошептал Брек, боязливо оглядываясь, чтобы кто-нибудь не подслушал их. — Слышали вы о Бабьем ручье? Впадает в Юкон по ту сторону, на тридцать миль выше.

— Нечего там делать, — заявил Смोक. — Его исходили вдоль и поперек уже давно.

— Так было и с другими богатейшими ручьями. Слушайте! Большое дело. Россыпи на глубине всего от восьми до двадцати футов. Там нет такого участка, который пойдет меньше чем за полмиллиона. Двое-трое моих друзей посвятили меня в это дело. Я сказал жене, что должен непременно разыскать вас, прежде чем двинуться в путь. Ну, до свиданья. Мое снаряжение спрятано на берегу. Дело в том, что друзья взяли с меня слово не трогаться в путь, пока весь Даусон не заснет. Ведь вы знаете, что будет, если кто-нибудь увидит вас со снаряжением. Берите своего товарища и следуйте за нами. Занимайте четвертый или пятый участок от Пробного. Не забудьте же: Бабий ручей, это третий после Шведского ручья.

Войдя в маленькую хижину на склоне горы, Смок услышал знакомый громкий храп.

— А-а-а... ложись-ка, брат, спать, — пробормотал Шорти, когда товарищ начал трясти его за плечо. — Я сегодня не на ночной смене, — заявил он через минуту, когда Смок стал будить его энергичней. — Обратись к буфетчику в баре.

— Живо напяливай свою одежду, — сказал Смок, — мы идем занимать два участка.

Шорти сел и начал ругаться. Смок прикрыл ему рот рукой.

— Шш... — предостерег он. — Это замечательное дело. Не буди соседей. Весь Даусон спит.

— Хе! Ты меня будешь учить! Разве я не знаю, что про золото не рассказывают? Смешно только, как это все попадают на одну и ту же дорожку.

— Бабий ручей! — прошептал Смок. — Дело верное. Мне сообщил о нем Брек. Очень мелкое ложе. Золото сразу под корнями травы. Ну, шевелись же. Мы живо соберемся и налегке двинемся в путь.

Глаза Шорти закрылись, и он снова захрапел. В следующий момент одеяла слетели с него.

— Если ты не желаешь поддержать компанию, я уйду один, — заявил Смок.

Шорти последовал за одеялами и начал одеваться.

— Собак возьмем? — спросил он.

— Нет. Тропа к ручью не протоптана, и мы быстрее справимся без них.

— В таком случае я задам им корму, чтобы хватило до нашего возвращения. Не забудь захватить с собой бересты и свечку.

Шорти открыл дверь и, почувствовав жгучий мороз, отскочил назад, поспешно опуская наушники и натягивая рукавицы.

Через пять минут он вернулся, изо всех сил растирая нос.

— Смок, я решительно против этой прогулки. На улице холоднее, чем было в преисподней за тысячу лет до того, как там развели первый огонь. Кроме того, сегодня пятница и тринадцатое число — все данные за то, что мы останемся с носом.

Привязав за спину легкие походные мешки, они закрыли за собой дверь и стали спускаться с холма. Северное сияние уже не играло на потемневшем небе, и только звезды мигали в застывшем воздухе, своим неверным светом сбивая путников с пути. Шорти свернул с тропинки, провалился в глубокий снег и начал громко ругаться, проклиная день, месяц и год, когда он решился на такое безумство.

— Ты не можешь помолчать? Оставь календарь в покое. Весь Даусон проснется и пустится за нами.

— Хе! А видишь свет вон в той хижине, и в той, и там дальше? А слышишь, как хлопнула дверь? О, разумеется, Даусон спит. Огни? Просто люди хоронят своих покойников. Они и не думают бежать за золотом, бьюсь об заклад.

Когда они спустились к подножью холма и вошли в самый город, во всех хижинах уже мелькали огни, всюду хлопали двери, а сзади слышался скрип множества мокасинов по плотно утопанному снегу. Шорти снова пустился в рассуждения:

— Видно, до чорта плакальчиков в этом городе.

Они прошли мимо человека, стоявшего у края дороги. Он тревожно звал кого-то вполголоса:

— Эй, Чарли! Да шевелись же!

— Заметил ты мешок у него на спине, Смок? Кладбище-то, должно быть, здорово далеко, если провожающим приходится брать с собой одеяла.

Когда они вышли на главную улицу, за ними тянулся уже хвост в несколько сот человек, и, пробираясь при обманчивом свете звезд к берегу, они слышали со всех сторон топот человеческих ног. Шорти поскользнулся и полетел с высоты тридцати футов в рыхлый снег. Смок последовал за ним, сбив его снова в тот момент, когда он поднимался на ноги.

— Я нашел первый, — буркнул он, снимая варежки, чтобы вытряхнуть из них снег.

Через минуту они делали отчаянные усилия, чтобы выкарабкаться из-под груды тел, посыпавшихся на них сверху. Во время ледостава в этом месте образовался затор, и нагроможденные друг на друга льдины были теперь коварно прикрыты слоем снега. Упав несколько раз, Смок вытащил свечу и зажег ее. Люди, шедшие позади, радостно приветствовали свет. Свеча ярко горела в неподвижном воздухе, и путники пошли быстрее.

— Это несомненно поход за золотом,— решил Шорти,— если только все они не лунатики.

— Во всяком случае, мы во главе шествия,— ответил Смок.

— Ну, этого я не знаю — может быть, там, впереди, светлячок. А может, это все светлячки — вон там, и там, и там. Погляди-ка! Нет, уж поверь мне, впереди нас целая процессия.

Чтобы перебраться на западный берег Юкона, нужно было пройти целую милю по нагроможденным льдинам, и мигающая цепь свечей тянулась во всю длину извилистой тропинки. А позади, до самой вершины горы, с которой они только что спустились, было еще больше огоньков.

— Послушай, Смок, это не поход за золотом, это настоящий «исход». Впереди нас, должно быть, добрая тысяча, а позади десять тысяч. Послушай меня разок. Нюх у меня хороший. Уж если я почую неладное, так оно и будет. Мы напрасно впутались в эту историю. Повернем-ка домой и завалимся спать.

— Ты бы лучше поберег свои легкие, если не хочешь отстать,— сердито оборвал его Смок.

— Хе! Ноги у меня короткие, но ходок я заправский и не боюсь никакой усталости. Конечно, ни один из этих молодцов не обгонит меня на льду.

И Смок знал, что это правда; он успел убедиться в феноменальной выносливости своего товарища.

— Я нарочно стараюсь идти медленнее, чтобы ты не отстал,— поддразнил он Шорти.

— Вот потому-то я и наступаю тебе на пятки,— огрызнулся тот. — Если ты не можешь идти быстрее, такпусти меня вперед показывать дорогу.

Смок ускорил шаг и вскоре поровнялся с кучкой золотоискателей.

— Ну-ка, Смок, пошевеливайся,— поощрял его товарищ. — Обгони-ка этих непогребенных покойников. Тут тебе, брат, не похороны. Живо! Чтобы в ушах засвистело!

Смок насчитал в этой группе восемь мужчин и двух женщин; не успели товарищи перебраться через нагроможденные льдины, как обогнали другую партию, в двадцать человек. На расстоянии нескольких футов от западного берега тропа сворачивала к югу и шла дальше по гладкому ледяному полю. Лед, однако, был покрыт слоем снега в

несколько футов толщиной. Его перерезала узкая лента утоптанной пешеходами и укатанной санями тропинки шириною в два фута. По обеим ее сторонам нога тонула в снегу по колено и глубже. Пешеходы, которые шли впереди, неохотно уступали дорогу, и Смоку с товарищем часто приходилось вязнуть в глубоком снегу и с величайшим трудом выбираться.

Шорти был мрачен и непримирим. Когда золотоискатели бранились, не желая пропускать их вперед, он отвечал им в том же духе.

— Куда это вы торопитесь? — спросил один из них.

— А вы куда? — отвечал Шорти. — Вчера тут прошла целая орава золотоискателей с Индейской реки. Уже ни одного свободного участка нет.

— Если так, я вас спрашиваю: куда вы спешите?

— Кто? Я? Я вовсе не золотоискатель. Я по казенному делу. Правительство послало. Тащусь на Бабий ручей, чтобы произвести перепись.

Другой весело приветствовал Шорти:

— Эй, куда собрался, малыш? Неужели ты и впрямь надеешься занять участок?

— Я? — ответил Шорти. — Я-то и открыл Бабий ручей. Теперь я сделал заявку и возвращаюсь обратно, чтобы какой-нибудь проклятый чечак не зажилил мой участок.

В среднем, идя по ровному месту, золотоискатели проходили в час три с половиной мили. Но Смок и Шорти делали по четыре с половиной, а временами пускались бегом и подвигались еще быстрее.

— Я решил совсем загнать тебя, Шорти, — поддразнивал товарища Смок.

— Хе! Я-то умею работать ногами и мог бы тебя заставить протереть пятки мокасинов. Но торопиться незачем. Я так рассуждаю: каждая заявка на ручье должна иметь пятьсот футов; скажем, по десять на милю. Впереди нас тысяча золотоискателей, а речонка длиною меньше ста миль. Кому-нибудь придется получить шип, и сдается, что это будем мы с тобой.

Прежде чем ответить, Смок вдруг прибавил шагу и опередил Шорти на десяток футов.

— Если бы ты поберег дыханье и не отставал, мы, пожалуй, обогнали бы кое-кого из этой тысячи, — заявил он.

— Кто? Я? Да если бы ты убрался с дороги, я показал бы тебе, что такое скорость.

Смок рассмеялся и снова обогнал его. Все это приключение представлялось ему теперь в совершенно ином свете. Ему теперь не так хотелось захватить участок, как побить в беге Шорти. «В конце концов, — решил он, — дело не в выигрыше, а в самой игре». Его мозг, мускулы, выдержка, его душа принимали участие в этом состязании с Шорти — человеком, который никогда не заглядывал в книгу, не мог отличить оперы от салонной песенки или поэмы от протокола.

— Берегись, Шорти, не сдобровать тебе! С тех пор как я высадился на берег Дайе, все клеточки моего организма переродились. Мои мускулы крепки, как ремни, ядовиты и люты, как жало гремучей змеи. Всего несколько месяцев назад я был бы в восторге, если бы написал эти слова, но тогда я не мог так написать. Надо было сначала пережить все это, а теперь, когда я в этом живу, нет нужды писать. Я колючий, прожженный, и ни один из этих жалких горцев не заденет меня, без того чтоб я ему не дал сдачи. Ну, а теперь ступай вперед на полчаса и покажи свою прыть, а когда настанет мой черед — берегись!

— Хе! — весело усмехнулся Шорти. — Посмотрите-ка на этого молокососа! А ну, с дороги и поучись у старших!

Каждые полчаса они сменяли друг друга, по очереди устанавливая рекорд скорости. Говорили они мало. Быстрота движения согревала их, хотя дыхание замерзало у них на лицах, покрывая инеем губы и подбородок. Мороз был так силен, что им почти непрерывно приходилось растирать варежками нос и щеки. Как только они опускали руки, открытые части лица тотчас же немели, и требовалась удвоенная энергия, чтобы вызвать острое покалывание — признак восстанавливающегося кровообращения.

Часто приятелям казалось, что впереди уже никого нет, но всякий раз они натывались на новые партии золотоискателей, вышедших из Даусона раньше их. Случалось, что некоторые из них делали попытку равняться со Смоком и его товарищем, но, пройдя одну-две мили, неизменно отставали и исчезали в темноте.

— Мы с тобой были на ногах всю зиму, — пояснил Шорти, — а эти старикашки отлежали себе бока в теплых хижинах да туда же — думают угнаться за нами! Если бы еще это были разведчики! Если разведчик и умеет что-нибудь делать, так это ходить.

Смок зажег спичку и взглянул на часы. Больше он не

повторял этого; как ни быстро было движение его обнаженных рук, прошло полчаса, прежде чем они снова отошли.

— Четыре часа, — сказал он, натягивая рукавицу, — а мы обогнали уже человек триста.

— Триста тридцать восемь, — поправил Шорти. — Я считаю все время. Эй, приятель, пропусти-ка! Дай пройти тому, кто смыслит в этом деле побольше твоего.

Эти слова относились к человеку, очевидно измученному до крайности, который, спотыкаясь, тащился по дороге, загораживая им путь. Этот да еще один такой же путник были единственными выбитыми из строя, которые попались им на пути; теперь они были очень близко от головной части потока золотоискателей.

Впоследствии они узнали обо всех ужасах этой ночи. Выбившиеся из сил люди присаживались отдохнуть на краю дороги и уже больше не вставали. Семеро замерзли окончательно, а выжившим ампутировали в даусоновских больницах пальцы, ступни и руки. Ночь великого похода на Бабий ручей была самой холодной за весь год. Перед рассветом спиртовые термометры в Даусоне показывали семьдесят ниже нуля, а люди, участвовавшие в «походе», были, за малым исключением, новички, не привыкшие к таким холодам.

Второго выбитого из строя человека они заметили несколько минут спустя, при вспышке северного сияния, которое, подобно прожектору, прорезывало по временам небо от горизонта до зенита. Человек этот сидел у тропы на глыбе льда.

— Эй, тетка, вставай! — весело окликнул его Шорти. — Ну-ка, поживее! Если будешь этак сидеть, замерзнешь, как колода.

Человек ничего не ответил, и они остановились посмотреть, что с ним.

— Тверд, как кочерга, — заявил Шорти. — Если уронить его, разобьется вдребезги.

— Посмотри, дышит ли он? — сказал Смок, стараясь в то же время прощупать сквозь мех и шерстяные фуфайки сердце человека.

Шорти поднял один из наушников и приложил ухо к заледеневшим губам.

— Не дышит, — доложил он.

— И сердце не бьется, — сказал Смок.

Он надел рукавицы и целую минуту с ожесточением хлопал рукой об руку, прежде чем опять снять рукавицу и зажечь спичку. Перед ними был старик, без всякого сомнения мертвый. В тот момент, когда спичка вспыхнула, они увидели длинную седую бороду, покрытую до самого носа ледяными сосульками, побелевшие щеки и смерзшиеся веки с бахромой инея на месте ресниц. Спичка погасла.

— Ну, идем, — сказал Смок, растирая ухо. — Мы ничего не можем сделать для старикишки. А я, кажется, отморозил себе ухо. Теперь вся кожа, чтоб ей провалиться, начнет слезать, и целую неделю будет чертовская боль.

Через несколько минут, когда пылающая лента северного сияния залила огнем все небо, они увидели впереди себя на расстоянии четверти мили две человеческие фигуры. Дальше на целую милю не было заметно никакого движения.

— Они идут впереди всех, — сказал Смок, когда снова воцарилась темнота. — А ну, давай догоним их.

Но прошло полчаса, а фигуры все еще были впереди. Шорти пустился бегом.

— Если мы и догоним их, то перегнать ни за что не сможем, — сказал он задыхаясь. — Ну и жарят же, черт бы их побрал! Голову дам наотрез, что это не чечако. Будь уверен, что это самые настоящие старожилы.

Когда друзья наконец нагнали их, Смок, бывший впереди, с удовольствием пошел с ними в ногу. Почти немедленно у него создалось впечатление, что человек, идущий рядом с ним, женщина. Как сложилось это впечатление, он и сам не мог бы сказать. Закутанная в меха темная фигура ничем не отличалась от других; однако Смоку почудилось в ней что-то знакомое. Он подождал следующей вспышки сияния и при свете его разглядел маленькие, обутые в мокасины ноги. Но он увидел больше — походку. И тотчас же узнал ту самую походку, которую решил однажды никогда не забывать.

— Она заправский ходок, — хрипло зашептал Шорти. — Держу пари, что это индианка.

— Как поживаете, мисс Гастел? — спросил Смок.

— Благодарю вас, — ответила она, повернув голову и быстро взглянув на него. — Слишком темно, я ничего не вижу. Вы кто?

— Смок.

Она рассмеялась на морозном воздухе, и он тотчас же решил, что никогда не слышал такого прекрасного смеха.

— Ну что же, женились вы, как говорили тогда? Много ли у вас уже ребят?

Прежде чем он собрался ответить, она продолжала:

— Сколько там чечак позади нас?

— Должно быть, несколько тысяч. Мы обогнали больше трехсот, и они здорово торопились.

— Старая история, — ответила она с горечью. — Новички забирают себе богатейшие участки, а старожилы, которые явились в эту страну первыми, страдали здесь и мучились, остаются ни при чем. Это старожилы открыли Бабий ручей (как обнаружилась эта тайна, совершенно непонятно!) и сейчас же дали знать старожилам с Львиного озера. Но озеро это находится в десяти милях от Даусона, и пока те доберутся до ручья, все будет уже занято даусоновскими чечак. Такая несправедливость возмущает меня.

— Да, очень плохо, — посочувствовал ей Смок. — Но пусть меня повесят, если я знаю, как вы можете помешать этому. Кто первый пришел, тот первый и взял.

— Я была бы очень счастлива, если бы могла чем-нибудь помочь тут, — пылко сказала мисс Гастел. — Я бы хотела, чтоб они все замерзли в дороге, чтоб задержало их что-нибудь ужасное, пока старожилы с Львиного озера не доберутся до ручья!

— Вы, видно, здорово против нас настроены! — рассмеялся Смок.

— Не в этом дело, — быстро ответила она. — Я знаю каждого из обитателей Львиного озера и могу сказать, что это люди. Они голодали в этой стране и приложили титанические усилия, чтобы сделать жизнь лучше. Я пережила вместе с ними тяжелые дни на Койокуке, когда была еще девочкой; пережила голодовку на Березовом ручье и на Сороковой миле. Это настоящие герои, и они имеют право на награду, а между тем тысячи зеленых молокососов оказываются теперь на много миль впереди них. Ну, я умолкаю и прошу простить мне эту тираду. Нужно беречь дыхание, потому что вы и ваша компания того и гляди обгоните отца и меня.

В течение часа Джой и Смок не обменялись ни единым словом. Девушка о чем-то переговаривалась с отцом вполголоса.

— Теперь я узнал их, — сказал Шорти Смоку. — Это

старый Луи Гастел, он молодчина. А девушка, должно быть, его дочка. Он пришел в эту страну так давно, что никто и не помнит точно, когда это было, и привез с собой девочку. Она была маленькая. Они с Беттлсом работали вместе и пустили первый маленький пароходиншко по Койокуку.

— По-моему, не стоит обгонять их, — сказал Смок: — мы и так впереди всех, а нас всего четверо.

Шорти согласился, и в продолжение часа они быстро подвигались вперед в полном молчании. В семь часов северное сияние в последний раз прорезало темноту, и они увидели на западе широкий проход между покрытыми снегом горами.

— Бабий ручей! — воскликнула Джой.

— Вот так штука! — ликовал Шорти. — По моему расчету, нам оставалось идти самое меньшее еще полчаса. Здорово, видно, я растянул себе ноги.

Как раз в этом месте дорога из Дайе, заваленная громоздившимися друг на друга льдинами, круто сворачивала через Юкон к восточному берегу, и с хорошо утоптанной главной тропы они перебрались через затор льдин на узкую, лишь слегка намеченную тропинку вдоль западного берега.

Луи Гастел, шедший впереди, споткнулся в темноте о льдину и опустился на снег, ухватившись обеими руками за лодыжку. Он с трудом поднялся на ноги и попробовал двинуться дальше, но шаг его сильно замедлился, и он стал заметно прихрамывать. Через несколько минут он остановился.

— Ничего не выйдет, — сказал он дочери. — Я растянул себе сухожилие. Иди вперед и займи участки для себя и для меня.

— Не можем ли мы чем-нибудь помочь вам? — спросил Смок.

Луи Гастел покачал головой:

— Она может сделать две заявки. А я допозду до берега, разведу огонь и перевяжу лодыжку. Не беспокойтесь обо мне. Иди, Джой. Займи для нас участки повыше Пробного. Чем выше по реке, тем богаче россыши.

— Вот вам немного березовой коры, — сказал Смок, разделив свой запас поровну. — Мы позаботимся о вашей дочери.

Луи Гастел хрипло засмеялся.

— Благодарю вас, — сказал он. — Но она и сама может позаботиться о себе. Идите за ней следом и не упускайте ее из виду.

— Вы не возражаете, чтобы я шла впереди? — спросила Джой Смока. — Я знаю эту местность лучше вас.

— Ведите, — галантно ответил Смок. — Хотя я совершенно согласен с вами, что нам, чёчако, не следовало бы обгонять компанию с Львиного озера. Это просто возмутительно. Нельзя ли нам как-нибудь отделаться от этих дау-соновских молодцов?

Она покачала головой.

— Мы не можем скрыть свои следы, — сказала девушка, — а они пойдут за нами, как овцы.

Пройдя с четверть мили, Джой вдруг круто повернула на запад, и Смок заметил, что они идут по девственному снегу. Однако ни он, ни Шорти не обратили внимания на то, что еле заметная тропинка, по которой они шли до сих пор, вела дальше к югу. Если бы они могли быть свидетелями последующего поведения Луи Гастела, история Клондайка, пожалуй, была бы написана иначе: они увидели бы, как этот старожил, сразу перестав хромать, побежал следом за ними, точно гончая собака; увидели бы, как он принялся расширять и утапывать тропинку, которую они проложили, свернув на запад, и наконец помчался дальше по прежней, едва намеченной тропинке, направлявшейся к югу.

Тропинка, по которой они шли, вела вверх по руслу, но она была такая неясная, что они то и дело теряли ее в темноте. После четверти часа блуждания по снегу Джой Гастел выразила желание идти сзади и предоставила мужчинам прокладывать дорогу. Задержка ведущих позволила всей остальной массе золотискателей нагнать их, и когда часам к девяти рассвело, они увидели за собой, насколько хватал глаз, бесконечную вереницу людей. При этом зрелище темные глаза Джой засверкали.

— Сколько времени прошло с тех пор, как мы начали подыматься по руслу? — спросила она.

— Не меньше двух часов, — ответил Смок.

— Да еще два часа, будет четыре, — рассмеялась она. — Мои друзья с Львиного озера спасены.

Смутное подозрение пронеслось в голове Смока. Он остановился и посмотрел ей прямо в лицо.

— Я не понимаю, — сказал он.

— Не понимаете? Я объясню вам. Это Норвежский ручей. Бабий ручей следующий к югу.

Смок на минуту онемел.

— Вы сделали это нарочно? — спросил Шорти.

— Я сделала это, чтобы выручить старожилков.

Она насмешливо расхохоталась. Мужчины поглядели друг на друга, улыбнулись и наконец расхохотались тоже.

— Перегнул бы я вас через колено да хорошенько выпорол бы, — заявил Шорти, — если б в этом краю женщины не были так редки.

— Значит, ваш отец не растянул себе сухожилия, а просто подождал, чтобы мы скрылись из виду, и двинулся дальше? — спросил Смок.

Она кивнула утвердительно.

— А вы сыграли роль приманки?

Она снова кивнула, и на этот раз смех Смока прозвучал искренне и звонко. Это был неудержимый смех мужчины, откровенно признающего себя побежденным.

— Почему вы не сердитесь на меня? — спросила она жалобно. — Или... или... почему вы не выпорете меня?

— Итак, надо, значит, поворачивать обратно, — сказал Шорти. — У меня уже ноги замерзли стоять тут.

Смок покачал головой.

— Итти обратно — значит потерять четыре часа. Мы, должно быть, прошли восемь миль по этому ручью, а он сильно уклоняется к югу. Мы пойдем вдоль Норвежского ручья, затем проберемся через водораздел и выйдем на Бабий ручей где-нибудь повыше Пробного участка. — Он взглянул на Джой. — Не хотите ли пойти с нами? Я обещал вашему отцу присмотреть за вами.

— Я... — она колебалась, — я могу пойти с вами, если вы не возражаете. — Она смотрела прямо в глаза Смоку, и на лице ее уже не было прежнего выражения вызова и насмешки. — Право, мистер Смок, я почти жалею о том, что сделала. Но нужно же было кому-нибудь выручить старожилков.

— Я вижу, что золотоискательство — предприятие спортивное.

— А я вижу, что вы оба прекрасно подготовлены к этому спорту, — сказала она; затем прибавила с легким вздохом: — Какая жалость, что вы не старожилы!

Два часа они пробирались вдоль замерзшего ложа Норвежского ручья, затем свернули в узкий, извилистый при-

ток его, текший с юга. В полдень они начали подниматься в гору, чтобы перебраться через водораздел. Позади себя внизу они видели длинную темную линию золотоискателей, направлявшихся по их следам. Там и сям десятки тонких струек дыма указывали на то, что путники делают привал.

Смок и его спутники подвигались с трудом. Они то и дело проваливались по пояс в снег и через каждые несколько ярдов были вынуждены останавливаться, чтобы перевести дух. Шорти первый взмолился об отдыхе.

— Мы уже целых двенадцать часов в пути, Смок, — сказал он, — и я должен признаться, что здорово устал, да и ты также, я уверен. Я-то еще могу, конечно, тащиться, как голодный индеец за куском медвежатины. Но эта бедная девушка несомненно свалится с ног, если не подкрепитя чем-нибудь. Давайте разложим здесь костер. Что вы на это скажете?

Они так быстро, ловко и умело разбили лагерь, что Джой, следившая за ними недоверчивым взглядом, должна была признаться в душе, что и старожилы не могли бы сделать этого лучше. Одеяло, натянутое на ветки канадской ели, образовало приют для отдыха и кулинарных процедур. Сами они старались держаться подальше от огня, пока не растерли основательно свои щеки и носы.

Смок плюнул в воздух, и льдинка звякнула так быстро и звонко, что он покачал головой.

— Должен признаться, — сказал он, — что никогда еще не видел такого мороза.

— Однажды зимой на Койокуке мороз дошел до восьмидесяти шести, — ответила Джой. — Теперь, должно быть, не меньше семидесяти или семидесяти пяти, и я чувствую, что отморозила себе щеки. Они горят, как в огне.

На крутом спуске горы совсем не было льда; поэтому они накладывали в таз для промывки золота немного твердого чистого кристаллического снега, мелкого, как сахарный песок, и растапливали его на огне, пока не таяло достаточно воды для кофе. Смок поджаривал грудинку и грел сухари у огня, Шорти подбрасывал в огонь ветки, а Джой накрывала на стол, расставляя нехитрые приборы: две чашки, две ложки, жестянку со смесью соли и перца и жестянку с сахаром. Когда они принялись за еду, она поделилась прибором со Смоком, и они ели из одной тарелки и пили из одной чашки.

Было почти два часа, когда они перевалили наконец че-

рез хребет и начали спускаться к Бабьему ручью. Еще раньше, зимой, какой-то охотник на оленей проложил тропу по узкому ущелью, то есть, отправляясь на охоту и возвращаясь обратно, он всегда ступал по своим следам. В результате под слоем выпавшего позднее снега образовалась линия неровных бугров. Тот, у кого нога попадала между буграми, проваливался в снег и падал. Охотник на оленей обладал, повидимому, необыкновенно длинными ногами. Джой, которая горячо желала теперь помочь своим спутникам и боялась, что они нарочно замедляют ход из-за ее очевидной усталости, настояла на том, чтобы идти впереди. Быстрота и ловкость, с которой она избегала коварных следов охотника, вызвали решительное одобрение Шорти.

— Посмотри-ка на нее! — воскликнул он. — Ну и молодчина! Уж она наверное ела медвежатину. Посмотри, как скользят ее мокасины. Это тебе не высокие каблучки. Она пользуется ногами, которые ей дал бог. Это жена для медвежатника.

Она обернулась и посмотрела на него с улыбкой одобрения, которая относилась и к Смоку. Он уловил в ней дружеское расположение, хотя в то же время его пронизало ощущение, что в этой товарищеской улыбке было очень много женской ласки.

Дойдя до Бабьего ручья, они оглянулись назад и увидели длинную прерывистую линию золотоискателей, которые с трудом спускались по склону. Джой и ее спутники спустились к ложу ручья, промерзшего до самого дна. Ручей в двадцать-тридцать футов шириной тянулся между илистыми наносными берегами от шести до восьми футов вышины. Ничья нога не ступала еще по девственному снегу, который покрывал его лед, и они сообразили, что вышли немного выше Пробного участка и заявок, занятых старожилами с Львиного озера.

— Берегитесь родников! — предостерегающе крикнула Джой, когда Смок повел их вниз по ручью. — При семидесяти градусах вы останетесь без ног, если провалитесь.

Такие родники, часто встречающиеся в клондайкских реках, не замерзают при самых низких температурах. Вода, стекшая с крутых берегов и скопившаяся небольшими водоемами, защищена от холода замерзшей поверхностью ручья и выпавшим снегом. И вот человек, ступающий по сухому снегу, может легко продавить кору льда в полдю-

ма толщины и провалиться по колено в воду. Если в течение пяти минут он не сумеет стащить промокшие мокасины, то останется без ног.

Хотя было всего три часа пополудни, но долгие серые полярные сумерки уже спустились. Путники искали на берегах дерево с отметкой, которая указала бы им, где сделана последняя заявка. Джой, искавшая ее с особенным волнением, первая заметила зарубку. Она бросилась вперед и крикнула Смоку:

— Кто-то уже был здесь! Поглядите на снег! Посмотрите на зарубку! Вот она! Вот на этой сосне!

И в этот момент она по пояс провалилась в снег.

— Вот и я попала! — жалобно произнесла она. Затем воскликнула: — Не подходите ко мне, я сама выберусь!

Шаг за шагом, то и дело проваливаясь и ломая тонкий лед, скрытый под сухим снегом, она прокладывала себе путь к твердой почве. Смок не стал ждать. Он бросился к берегу, где сухие ветви и сучья, вынесенные на берег во время весенних разливов, как будто ждали спички. К тому времени, как Джой добралась до него, первые языки пламени уже поднимались в воздух.

— Садитесь, — приказал Смок.

Она послушно опустилась на снег. Он сбросил со спины свой мешок и разостлал под ее ногами одеяло.

Сверху раздавались голоса искателей, следовавших за ними.

— Пусть Шорти сделает заявку, — торопила Джой.

— Иди, Шорти, — сказал Смок, принимаясь за ее мокасины, уже отвердевшие от льда. — Отмерь тысячу футов и поставь в центре два заявочных кола. Угловые мы поставим после.

Ножом Смок разрезал шнурки и кожу мокасинов. Они успели так сильно промерзнуть, что трещали и скрипели под ножом. Сивашские носки и толстые шерстяные чулки превратились в ледяную кору. Казалось, будто ступни и икры девушки вложены в гофрированное железо.

— Ну, как ноги? — спросил он, продолжая работать.

— Совсем онемели. Я не чувствую пальцев и не могу шевельнуть ими. Но все будет хорошо. Огонь горит прекрасно. Смотрите не отморозьте руки. Судя по вашим движениям, мне кажется, что они уже онемели.

Смок надел варежки и в течение нескольких минут с ожесточением хлопал себя по бедрам. Почувствовав, что

кровообращение восстановилось, он снова снял рукавицы и принялся резать, рвать и пилить промерзшую обувь. Наконец показалась белая кожа одной ноги, затем другой, и обе они были выставлены теперь на семидесятиградусный мороз.

Затем началось растирание снегом, производимое с неистовым усердием, пока Джой не стала извиваться и дергаться. Наконец она пошевелила пальцами и радостно пожаловалась на боль.

С помощью Смока она дотащилась до огня; Смок положил ее ноги на одеяло, как можно ближе к спасительному теплу.

— Теперь вам придется самой заняться ими на минутку, — сказал он.

Она сняла рукавицы и начала растирать ноги, следя за тем, чтобы огонь лишь постепенно согревал ее замерзшее тело. Тем временем Смок принялся за собственные руки; снег уже не таял на них, и его светлые кристаллы рассыпались по коже, точно песок. Понемногу покалывание и боль возвращались вместе с кровообращением. Тогда Смок поправил огонь, снял легкую котомку со спины Джой и достал оттуда полный комплект обуви.

Шорти вернулся наконец по ложу ручья и вскарабкался к ним по крутому берегу.

— Я отмерил полных тысячу футов, — заявил он. — Номер двадцать седьмой и двадцать восьмой. Хотя, нужно вам сказать, не успел я еще забить верхний кол двадцать седьмого номера, как столкнулся с первым старикашкой из тех, что шли сзади. Он заявил, что не даст мне занять двадцать восьмой номер. Тогда я сказал ему...

— Ну, ну! — воскликнула Джой. — Что же вы ему сказали?

— Я так прямо и заявил ему, что если он не попятится сейчас же на все пятьсот футов, то я превращу его замороженный нос в сливочное мороженое и шоколадные эклеры. Он предпочел немного попятиться, и я поставил заживочные колья на двух полных, честно отмеренных участках вдоль ручья, по пятьсот футов каждый. Он занял следующий участок, и я полагаю, что теперь вся эта компания уже разделила Бабий ручей до устья и даже тот берег. Но наше дело верное. Сейчас слишком темно, но завтра утром мы сможем поставить угловые столбы.

В этот момент она по пояс провалилась в снег.

Когда они проснулись, то увидели, что за ночь погода изменилась. Шорти и Смок, еще не вылезая из-под своего общего одеяла, определили, что мороз не больше чем в двадцать градусов. Мороз сдал. На их одеялах лежал слой снежных кристаллов в шесть дюймов толщины.

— С добрым утром! Как ваши ноги? — спросил Смок, смотря через остатки костра на Джой Гастел, которая, сидя в своих спальных мехах, тщательно стряхивала с себя снег.

Шорти развел костер и наколот льду в ручье, а Смок принялся готовить завтрак. Когда они закончили с едой, взошло солнце.

— Пойди-ка поставь эти... как их... угловые столбы, Смок, — сказал Шорти. — Там, где я брал лед для кофе, есть песок, и я хочу растопить в нашем тазу воды и промыть на счастье немного этого самого песка.

Смок отправился, захватив топор, чтобы вырубить колышки. Начав с нижнего по течению центрального столба, на участке номер двадцать семь, он направился под прямым углом по узкой долине к краю участка. Он проделывал все это методически, почти машинально: мысли его были полны воспоминаний об истекшей ночи. Ему казалось, что он каким-то образом приобрел власть над нежными линиями и твердыми мускулами этих ножек, которые он растирал снегом, и эта власть как будто распространялась и на всю женщину. Это чувство наполняло его каким-то неясным сладостным ощущением. Ему казалось, что все это было необходимо для того, чтобы он мог подойти к Джой Гастел, взять ее руку в свою и сказать: «Идем».

Среди этих мыслей он наткнулся вдруг на нечто, заставившее его забыть о власти над белыми ножками. Он не поставил углового столба у края долины. Он даже не дошел до ее края, ибо наткнулся на другой ручей. Смок приметил сломанную иву и большую, бросающуюся в глаза одинокую ель. Он вернулся к ручью, где стояли центральные заявочные колья. Он пошел берегом ручья, изогнутого в виде подковы, и убедился в том, что тут не два ручья, а один. Затем он дважды пробрался по снегу от одного края долины до другого, в первый раз начав от нижнего столба номера двадцать седьмого, а во второй раз — от верхнего столба номера двадцать восьмого, и убедился окончательно, что верхний столб последнего участка находится ниже

нижнего столба первого. В сумеречной полутьме Шорти занял оба участка на излучине ручья в виде подковы, врезающейся глубоко в долину.

Смок уныло побрел обратно к маленькой стоянке. Шорти, кончивший промывку песка, встретил его восторженными восклицаниями.

— Вот оно! — крикнул он, протягивая товарищу таз. — Вот, посмотри. Золото, чистое золото! Здесь двести долларов, ни на цент меньше. Оно так и валяется на самой поверхности. Я видел кое-что на своем веку, но никогда в жизни не встречал еще такого богатства.

Смок бросил равнодушный взгляд на золото, налил себе чашку кофе и присел у огня. Джой почувствовала что-то недоброе и посмотрела на него нетерпеливым, просящим взглядом. Но Шорти был раздосадован равнодушием товарища.

— Что это ты как будто не радуешься? — спросил он. — Ведь это настоящее счастье. Может быть, ты так богат, что плюешь на таз, в котором двести долларов?

Прежде чем ответить, Смок отхлебнул кофе.

— Скажи мне, Шорти, чем наши участки похожи на Панамский канал?

— Это еще что за новость?

— Видишь ли, восточный вход в Панамский канал находится западнее его западного входа. Вот и все.

— Валяй дальше, — сказал Шорти. — Я еще не раскусил, в чем дело.

— Коротко говоря, Шорти, ты занял наши два участка на большой излучине в виде подковы.

Шорти опустил таз на снег и вскочил на ноги.

— Дальше, дальше, — повторил он.

— Верхний столб двадцать восьмого на десять футов ниже нижнего столба двадцать седьмого.

— Ты хочешь сказать, что у нас ничего нет, Смок?

— Хуже того. У нас на десять футов меньше, чем ничего.

Шорти бегом пустился к берегу. Через пять минут он вернулся. В ответ на взгляд Джой он кивнул. Не говоря ни слова, он подошел к поваленному дереву и, опустившись на него, стал пристально разглядывать снег под своими ногами.

— Ну что ж, снимемся с лагеря и отправимся обратно в Даусон, — сказал Смок, начиная складывать одеяла.

— Мне очень жаль. Смок, — прошептала Джой, — все это моя вина.

— Нустяки, — ответил он, — все в порядке.

— Но это моя вина, только моя, — настаивала она. — Отец сделает для меня заявку там, около Пробного участка. Я отдам ее вам.

Смок покачал головой.

— Шорти! — взмолилась девушка.

Шорти тоже покачал головой и вдруг начал хохотать. Это был неудержимый, гомерический хохот. Он то задышался, то грохотал.

— Это не истерика, — объяснил он. — У меня бывают иногда такие припадки веселости, и это один из них.

Взгляд его случайно упал на таз с золотом. Он подошел и торжественно отшвырнул таз ногой, рассыпав вокруг намытое золото.

— Оно не наше, — сказал он. — Оно принадлежит тому старикашке, которого я отогнал давеча на пятьсот футов. И меня больше всего злит, что четыреста девяносто из них — форменное богатство... его богатство. Ну, идем, Смок, вернемся в Даусон. Впрочем, если у тебя есть желание убить меня, я пальцем не пошевелю, чтобы защищаться.

СОСТЯЗАНИЕ НА ПЕРВЕНСТВО

I

— Хе! Облачаешься в праздничное одеяние?

Шорти наблюдал за своим товарищем с напускным неодобрением, и Смок, делавший тщетные попытки расправить складки на брюках, которые только что надел, был сильно раздражен.

— Для подержанных брюк это еще прилично, — продолжал Шорти. — Сколько дал за них?

— Сто пятьдесят за весь костюм, — отвечал Смок. — Тот человек был почти моего роста. Мне показалось, что цена подходящая. Чего ты ворчишь?

— Кто? Я? И не думаю! Я как раз размышлял о том, как здорово повезло некоему «медвежатнику», который явился в Даусон во время ледолома, без припасов, с одной только сменой белья, с одной парой изношенных мокасинов, в костюме, который имел такой вид, будто перенес кораблекрушение. А теперь! Великолепный фасад, дружище, великолепный фасад. Скажи-ка мне...

— Что тебе еще нужно? — спросил Смок угрюмо.

— Как ее зовут?

— Да тут вовсе и нет никакой «ее», мой друг. Я приглашен на обед к полковнику Бови, если тебе непременно

нужно знать. Я понимаю, в чем дело, Шорти! Ты завидуешь, что я приглашен в высшее общество, а ты нет.

— Ты не опоздал? — заботливо спросил Шорти.

— Не понимаю, о чем ты говоришь.

— К обеду. Они уж, наверное, будут сидеть за ужином, когда ты до них доберешься.

Смок хотел было ответить с преувеличенным сарказмом, но вдруг заметил особый блеск в глазах собеседника. Он продолжал одеваться, завязывая пальцами, утратившими прежнюю ловкость, галстук виндзорским узлом у ворота своей мягкой бумажной рубашки.

— Экая досада, что я отправил все свое крахмальное белье в прачечную! — сочувственно пробормотал Шорти. — А то я нарядил бы тебя.

В эту минуту Смок старался натянуть на ноги ботинки. Шерстяные носки были чересчур толсты, и он с умоляющим видом посмотрел на Шорти, но тот только покачал головой.

— Нет. Если бы у меня и нашлись тонкие носки, я ни за что не дал бы их тебе. Полежай обратно в мокасины, товарищ. Ты, наверное, отморозишь себе пальцы при такой скудной оснастке.

— Я заплатил за них пятнадцать долларов, за подержанные! — жалобно произнес Смок.

— Мне сдается, что там не будет ни одной души не в мокасинах, — сказал Шорти.

— Но там будут женщины, Шорти. Я буду сидеть и есть рядом с настоящими, живыми женщинами. С миссис Боуи и еще с другими, так мне сказал полковник.

— Ну что же, мокасины не испортят им аппетита, — заметил Шорти. — Хотелось бы мне знать, зачем ты понадобился полковнику.

— Право, не знаю. Может быть, он слышал, что я открыл Озеро Неоожиданностей. Осушка его будет стоить целое состояние, а Гуггенхаймы ищут, куда бы пристроить свои капиталы.

— Пожалуй, что оно самое. Говорю тебе, держись мокасинов. Ну, костюм-то у тебя морщит и чуточку узковат. Будь поосторожнее насчет еды. Если ты будешь много лопать, то он, чего доброго, треснет. И если которая-нибудь из этих самых женщин невзначай уронит платок, пусть себе лежит на полу. Не вздумай поднимать. Нипочем не наклоняйся!

Как подобает специалисту, получающему высокий оклад, и представителю крупной фирмы Гуттенхеймов, полковник Боуи занимал одну из самых великолепных хижин в Даусоне. Выстроенная из грубо обтесанных бревен, в два этажа, она отличалась такими необыкновенными размерами, что могла похвастать просторной парадной комнатой, которая служила гостиной и ничем больше.

На грубом дощатом полу были разложены медвежьи шкуры, на стенах висели рога лосей и оленей. Здесь гудел открытый камин и красовалась печь, отапливаемая дровами. И здесь-то Смок встретился с избранным обществом Даусона — не с какими-нибудь миллионерами от лопаты, но со сверхсливками города золотоискателей, население которого было собрано со всего света: тут были мужчины вроде Уорбертона Джонса, исследователя и писателя; капитан Конседайн из конной полиции; Хаскел, уполномоченный по золоту Северо-Западной территории, и, наконец, барон фон-Шредер, любимец императора, с международной репутацией дуэлиста.

И здесь же он увидел ослепительную в вечернем туалете Джой Гастел, которую до сих пор встречал только в пути — в мехах и мокассинах. За обедом он очутился рядом с ней.

— Я чувствую себя, точно рыба, вытащенная из воды, — признался Смок. — Вы все так великолепны! Мне и во сне не снилось, что в Клондайке может существовать такая восточная роскошь. Взгляните, например, на фон-Шредера — он в жакете, а у Конседайна крахмальная рубашка. Я заметил, что у него вместе с тем мокасины. А как вам нравится моя экипировка?

И Смок повел плечами, как бы охорашиваясь перед Джой.

— Вы как будто растолстели с тех пор, как перевалили через Чилькут, — проговорила она со смехом.

— Не угадали, угадывайте дальше.

— Костюм с чужого плеча?

— Отгадали. Я купил его у одного из клерков акционерной компании.

— Просто стыд, какие у клерков узкие плечи, — проговорила Джой. — Но вы ничего не сказали еще, как вам нравится моя экипировка.

— Не могу! — сказал он. — Я сражен. Я слишком долго прожил здесь, в снегах! Такого рода вещи сражают меня, точно ударом. Я почти забыл, что у женщин есть руки и плечи. Завтра утром, подобно моему другу Шорти, я проснусь в полной уверенности, что это был сон. В последний раз, когда я встретился с вами на Бабьем ручье...

— Я была настоящей бабой? — закончила она.

— Нет, я не то хотел сказать. Я вспомнил, что на Бабьем ручье я сделал открытие, что у вас есть ноги.

— И я никогда не забуду, что вы спасли мне их, — проговорила она. — С тех пор мне хотелось увидаться с вами, чтобы поблагодарить вас... — Он с умоляющим видом пожал плечами. — И вот почему вы сегодня здесь.

— Вы попросили полковника пригласить меня?

— Нет, не полковника, а миссис Боун. И я попросила ее посадить вас рядом со мной. И это вышло очень удачно. Все заняты разговором. Слушайте меня и не прерывайте. Вы знаете ручей Моно?

— Да.

— Оказывается, там масса золота, огромная масса. Каждая заявка оценивается в миллион долларов и больше. Участки были заняты только на-днях.

— Как же, помню — все ринулись туда.

— Да, ручей был истыкан столбами до самого горизонта и притоки также. И оказывается, что на главном русле, на участок номер три, ниже Пробного, заявки еще не сделано. Ручей находится так далеко от Даусона, что уполномоченный установил шестидневный срок для подачи заявки. На все участки заявки сделаны, кроме номера три. Он был занят каким-то Сайресом Джонсоном. Потом этот Сайрес Джонсон исчез. Умер он или отправился вверх или вниз по реке, этого никто не знает. Как бы то ни было, через шесть дней наступает срок подачи заявки, и тот, кто займет этот участок и первым придет в Даусон и сделает заявку, получит его в собственность.

— Миллион долларов! — пробормотал Смок.

— Гилкрист, которому принадлежит соседний участок, понизже, промыл на шестьсот долларов в одном тазу, взятом из русла. А участок с другой стороны еще богаче. Я знаю.

— Но почему же не все знают об этом? — недоверчиво спросил Смок.

— Понемногу все узнают. Тайна этого участка долго

сохранялась и только теперь выходит наружу. За хорошую упряжку через какие-нибудь двадцать четыре часа будут платить безумные деньги. Вот что я вам скажу: вы должны уйти под благовидным предлогом, как только кончится обед. Я это устроила. За вами придет индеец с письмом. Вы прочтаете его, сделаете вид, будто у вас есть спешное дело, извинитесь и уйдете.

— Я... гм... я... не могу этого сделать.

— Глупости! — воскликнула Джой, понижая голос. — Вы сегодня же ночью должны спешно обделать дело с собаками. Я знаю две упряжки. Упряжка Хансона — семь больших гудсоновских собак; он хочет по четыреста за каждую. Высокая цена для сегодняшнего дня, но не для завтрашнего. И у Ситки Чарлея есть восемь малемутов, за которых он просит три тысячи пятьсот. Завтра он засмеется, если ему предложат пять тысяч. Ну, и у вас есть свои собаки. И еще вам придется купить несколько упряжек. Все это надо сделать сегодня же ночью. Добудьте самых лучших. Состязание будет выиграно не только людьми, но и собаками. Всего сто десять миль, и подставы надо разместить как можно чаще.

— О, я вижу, вы хотите впутать меня в эту историю, — протянул Смок.

— Если у вас нет денег на собак, то я...

Она запнулась, но, прежде чем успела договорить, Смок сказал:

— Нет, я могу купить собак. Но... гм... вы не боитесь, что это слишком рискованная игра?

— После ваших подвигов за рулеткой¹ в «Элькгорне», — возразила она, — я не боюсь, что вы испугаетесь. Это своего рода спорт, вы правы, — состязание на миллион и притом с лучшими бегунами и погонщиками собак во всей стране. Сейчас они еще не являются вашими соперниками, но завтра в это время они уже будут ими, и собаки будут стоить дороже, чем может заплатить за них самый богатый человек. Большой Олаф уже в городе. Он приехал сюда из Серкл-Сити месяц назад. Он один из самых замечательных погонщиков собак во всей стране, и если он примет участие в состязании, то будет вашим самым опасным соперником. Потом еще Билль из Аризоны. Он долгие годы был профессионалом-перевозчиком и почтовым курьером. Если

¹ Рулетка — азартная игра.

и он будет состязаться, то весь интерес будет сосредоточен на нем и на Большом Олафе.

— И вы хотите выпустить меня в качестве никому неизвестной лошадки?

— Вот именно. В этом есть свои хорошие стороны. Никому в голову не придет заподозрить в вас серьезного соперника. В конце концов, вы, знаете ли, до сих пор считаетесь чечако. Вы не прожили здесь еще и года. Никто не обратит на вас никакого внимания до той минуты, пока вы не станете обгонять соперников на обратном пути.

— И вот тут-то лошадке придется показать класс, не так ли?

Она кивнула головой и продолжала серьезно:

— Помните, что я не прощу себе того, что сделала с вами на Бабьем ручье, пока вы не выиграете этой заявки на Моно. И если вообще кто-нибудь может победить в этом состязании со старожилками, так это только вы!

Все дело было в тоне, каким она это сказала. Смок почувствовал, как горячая волна прилила к его сердцу и к голове. Он кинул на нее быстрый пытливый взгляд, и, когда взоры их встретились, ему показалось, что он прочел в ее глазах нечто гораздо более важное, чем известие о том, что Сайрес Джонсон не сделал заявки на свой участок.

— Я сделаю это, — сказал он, — я приду первым!

Радостный блеск в ее глазах, казалось, сулил ему большие богатства, чем все золото на Моно. Он уловил движение ее руки, лежавшей на коленях рядом с ним, и под прикрытием скатерти, протянув свою руку, встретил крепкое пожатие женских пальцев. По его телу пробежала новая горячая волна.

«Что-то скажет на это Шорти?» неожиданно мелькнуло у него в голове, когда он отнял свою руку. Он ревнивым взглядом скользнул по лицам фон-Шредера и Джонса и втайне задал себе вопрос, разгадали ли они, какая замечательная и очаровательная женщина сидит возле него.

Он пришел в себя при звуках ее голоса и сообразил, что она ему что-то говорит.

— Дело в том, что Билль из Аризоны белый индеец, — говорила она. — А Большой Олаф, этот охотник на медведей и король снегов, — настоящий дикарь. Он может побить любого индейца своей выдержкой и выносливостью, он не знает ничего, кроме этой жизни среди пустыни и холода.

— О ком это вы говорите? — вмешался в разговор капитан Конседайн с другого конца стола.

— О Большом Олафе, — отвечала Джой: — я рассказывала мистеру Белью про его замечательную выносливость в пути.

— Да, вы правы, — загудел голос капитана. — Большой Олаф — это самый замечательный ходок на Юконе. В беге по снегу и льду я готов ставить за него против самого нечистого. В 1895 году он доставил казенную почту после того, как два курьера замерзли на Чилькуте, а третий утонул около Тридцатой мили.

III

Смок ехал на ручей Моно потихоньку, боясь утомить собак перед состязанием. Кроме того, он знакомился с каждой милей пути и с расположением подстав. Набралось так много желающих принять участие в состязании, что сто десять миль представляли собой какое-то растянувшееся село. Повсюду вдоль дороги были расставлены подставы. У фон-Шредера, участвовавшего в состязании исключительно ради спорта, было не менее одиннадцати упряжек — свежая смена на каждые десять миль. Билль из Аризоны вынужден был удовольствоваться восемью. У Большого Олафа было семь — столько же, сколько у Смока. В общем, участников состязания было свыше сорока человек. Не каждый день даже на Золотом Севере миллион долларов выставлялся призом на собачьих бегах. Страна лишилась всех своих собак. Ни одно животное, отличавшееся скоростью бега и выносливостью, не миновало частого гребня, который прочесал все ущелья и равнины, выискивая собак, и цены на них выросли вдвое, даже вчетверо во время этой безумной спекуляции.

Третий номер ниже Пробного участка находился на расстоянии десяти миль вверх по Моно от устья. Остальные сто миль нужно было проделать по замерзшему руслу Юкона. На Третьем номере было раскинуто пятьдесят палаток и стояло свыше трехсот собак. Старые колышки, вбитые шестьдесят дней назад Сайресом Джонсоном, все еще были на своих местах, и каждый из участников то и дело переходил на территорию заявки, потому что состязанию на собаках должно было предшествовать состязание в беге с препятствиями. Каждый должен был лично занять заяв-

ку, а это означало, что он должен был вбить два центральных кола, четыре угловых и дважды перебежать через речку, прежде чем отправиться в Даусон на собаках.

Кроме того, не должно было быть «выскачек». К занятию участка полагалось приступить не раньше полуночи на пятницу. Не раньше полуночи можно было вбить первый кол. Таково было распоряжение уполномоченного по золотым делам в Даусоне, и капитан Конседайн выслал отряд конной полиции для поддержания порядка. Возник спор по вопросу о различии между временем по солнцу и полицейским временем, но капитан Конседайн повелел, чтобы в расчет было принято полицейское время, и именно по часам лейтенанта Поллока.

Дорога шла вдоль ровного русла реки Моно; она была менее двух футов ширины и тянулась желобком между высокими сугробами снега, нанесенного за много месяцев. Вопрос о том, каким образом сорок с лишним саней и триста собак будут стартовать на такой узкой беговой дорожке, занимал все умы.

— Хе! — сказал Шорти. — Тут заварится такая чортова каша, какой свет еще не видывал. По-моему, Смок, остается только одно: пустить в ход силу и кулаки и пробиваться вперед. Если бы вся речка была покрыта чистым льдом, и то на ней нехватило бы места и дюжине упряжек в ряд. Думается мне, что тут завяжется здоровая свалка. Если у нас на дороге окажется кто-нибудь, то позволю уж мне пустить в ход кулаки.

Смок пожал плечами и неодобрительно засмеялся.

— Нет, нет! — крикнул Шорти в сильном волнении. — Что бы ни случилось, ты не должен вмешиваться. Ты не сможешь целых сто миль править собаками сломанной рукой, а это так и будет, если ты заедешь кому-нибудь в челюсть.

Смок кивнул.

— Ты прав, Шорти. Я не могу рисковать.

— И еще запомни, — продолжал Шорти, — что я буду пробивать путь первые десять миль, а ты сиди спокойно и не волнуйся. Я доставлю тебя на Юкон, будь спокоен. А там уж дело за тобой и за собаками. Знаешь, что, по-моему, задумал Шредер? Первая упряжка будет стоять у него за четверть мили вниз по речке, и он узнает ее по зеленому фонарю. Но мы его перехитрим. Я всегда предпочитал красный огонь.

Днем было ясно и холодно, но облачная завеса задернула небо, и ночь спустилась теплая и темная, предвещающая снег. Термометр показывал пятнадцать градусов ниже нуля, а для зимы в Клондайке минус пятнадцать — это очень тепло.

За несколько минут до наступления полуночи Смок оставил Шорти с собаками в пятистах ярдах вниз по речке и присоединился к остальным участникам состязания на Третьем номере. Сорок пять человек ожидали начала состязания на приз в миллион долларов, которые Сайрес Джонсон оставил нетронутыми в мерзлой земле. У каждого из участников было по шесть кольев и по тяжелому деревянному молотку. Одеты они были в парки, вроде рубашек из грубой домотканной материи.

Лейтенант Поллок, в тяжелой медвежьей шубе, смотрел на часы при свете костра. До полуночи оставалась одна минута.

— Готовься! — скомандовал он, поднимая в правой руке револьвер и следя за секундной стрелкой.

Сорок пять кашюшонов были отброшены назад. Сорок пять пар рук сбросили рукавицы. Сорок пять пар мокассинов крепко уперлись в утоптаный снег. Потом сорок пять кольев опустились в снег и такое же количество молотков было поднято в воздух.

Грянули выстрелы, и молотки ударили. Право Сайреса Джонсона на миллион было утеряно. Чтобы избежать суетолоки, лейтенант Поллок настоял на том, чтобы сначала был вбит нижний центральный кол, потом юго-западный, и так далее по всем углам — и затем уж, подконец, верхний центральный кол возле самого пути.

Смок вбил свой кол и побежал в числе первых двенадцати человек. По углам горели костры, и у каждого костра стоял полисмен со списком в руке, отмечая имена состязającychся. Каждый должен был назвать свое имя и показать полисмену свое лицо. Это делалось для того, чтобы колья не вбивались подставными лицами, а настоящие участники не мчались в это время вниз по реке.

В первом углу возле кола Смока фон-Шредер вбил свой. Их молотки ударили одновременно. Когда колья были вбиты, сзади подоспели другие участники; они бежали с такой беспорядочной стремительностью, точно нарочно хоте-

ли помешать друг другу, создав драку и толкотню. Пробившись среди давки и назвав свое имя полисмену, Смок увидел, как один из участников налетел на барона, сбил его с ног и тот повалился в снег. Но Смок не стал ждать. Впереди него были еще другие. При свете гаснущего костра он заметил неясные очертания спины Большого Олафа. В юго-западном углу он и Большой Олаф забили свои колья рядом.

Этот предварительный бег с препятствиями был нелегким делом. Граница участка в общем составляла около мили, и большая часть его представляла собой перовную коричневую поверхность, покрытую снегом. Вокруг Смока все спотыкались и падали, и несколько раз он сам летел вперед на руки и на колени. Большой Олаф упал так близко, что Смок повалился на него.

Нижний центральный кол был вбит у самого спуска к берегу, и золотоискатели бросились вниз по замерзшему руслу реки на противоположный берег. Здесь, когда Смок карабкался вверх, чья-то рука схватила его за ногу и швырнула вниз. При мерцающем свете отдаленного костра не было никакой возможности увидеть, кто сыграл с ним такую штуку. Но Билль из Аризоны, которого постигла та же судьба, поднялся на ноги и с хрустом ударил обидчика прямо в лицо кулаком. Смок видел и слышал это, поднимаясь на ноги. Однако, прежде чем он успел двинуться к берегу, удар кулака оглушил его и повалил в снег. Он, шатаясь, встал, нашел обидчика и размахнулся, чтобы треснуть его по челюсти, потом вспомнил наставление Шорти и удержался. В следующее мгновение чье-то падающее тело ударило его под коленки, и он снова скатился вниз.

Все это было лишь предвкушением того, что будет после, когда люди доберутся до своих упряжек. Люди потоком устремились на противоположный берег и влились в беспорядочную толпу. Они кучками карабкались на берег и кучками же падали вниз, стаскиваемые своими нетерпеливыми тозарицами. Сыпались удары, проклятия вырывались из тяжело дышащих грудей тех, кто еще мог дышать, и Смок, видевший в своем воображении лицо Джой Гастел, боялся, чтобы не были пущены в ход деревянные молотки. Сбиваемый с ног, попадая под ноги другим, роясь в снегу в поисках потерянных колышков, он в конце концов выбрался из этой давки и вскарабкался на берег немного в стороне.

Другие проделали то же самое. По счастью, многие бежали впереди Смока, направляясь к северо-западному углу.

На полдороге к четвертому углу он растянулся и, падая, уронил свой последний колышек. Целых пять минут он шарил в темноте, прежде чем нашел его, и все время мимо него, тяжело дыша, бежали люди. На пути от последнего угла к речке он начал обгонять тех, для которых пробег в одну милю был не по силам. Внизу на речке царило настоящее безумие. Около дюжины саней были сбиты в кучу и опрокинуты, и около сотни собак сцепились в ожесточенной драке. Среди них толклись люди, стараясь разнять ударами дубин вцепившихся друг в друга животных. Окинув беглым взором это зрелище, Смок задал себе вопрос, есть ли среди фантастических рисунков Доре¹ что-нибудь подобное этому.

Сбежав прыжками с берега в стороне от скользкого спуска, он выбрался на укатанный санный путь и благодаря этому выиграл время. Здесь на утоптаных стоянках по сторонам узкой дороги сани и люди стояли в ожидании отставших бегунов. Вдруг сзади послышался визг и лай собак, и Смок едва успел отскочить в сторону, в глубокий снег. Мимо него пронесли сани, и он разглядел человека, стоявшего в них на коленях и выпускавшего дикие крики. Но не успели сани промелькнуть мимо, как остановились со страшным треском. Разъяренные собаки на одной из стоянок, почуяв пробежавших животных, вырвались и набросились на них. Смок обежал собак и ринулся вперед. Теперь он мог видеть зеленый фонарь фон-Шредера и пониже, рядом, красный огонь, отмечавший его собственную упряжку. Два человека охраняли собак фон-Шредера, стоя с короткими дубинками между ними и дорогой.

— Эй, Смок, сюда! Эй, Смок, сюда! — услышал он взволнованный голос Шорти.

— Иду! — прохрипел он.

При свете красного фонаря он увидел, что снег весь изрыт и истоптан, и по тяжелому дыханию своего товарища понял, что тут происходило сражение. Он бросился к саням и в мгновение ока повалился на них. Шорти взмахнул бичом и крикнул:

— Пошли! Эй вы, дьяволы! Живо!

Собаки натянули постромки, сани бешено сорвались с места и понеслись. Это были большие животные — гудсо-

¹ Гюстав Доре — известный французский художник.

иовская призовая упряжка Хансона, — и Смок выбрал ее для первого перегона: десять миль по речке Моно, трудный переход через порог возле устья и, наконец, первые десять миль по Юкону.

— Сколько человек впереди? — спросил он.

— Молчи и береги дыхание, — ответил Шорти. — Го! Эй вы, черти! Пошевеливайтесь! Вперед, вперед!

Он бежал за санями, держась за короткую веревку. Смок не мог видеть его; не видел он также и саней, на которых лежал сам, растянувшись во весь рост. Огни остались позади, и они неслись, прорывая стену мрака со скоростью, на какую только были способны собаки. Окружающий мрак был почти осязаем и казался чем-то вещественным.

Смок почувствовал, как сани, делая невидимый поворот, наехали на что-то впереди, и вслед за тем послышалось рычание собак, проклятия и ругань. Это место впоследствии было известно под названием Теснины Барнея и Слокума. Здесь упряжки этих двух соискателей столкнулись, и в них на полном бегу врезались семь огромных собак Смока. Возбуждение этой ночи довело этих полуприрученных волков до иступления. Клондайкских собак, которыми правят без вожжей, останавливают обычно только окриком, и сейчас не было никакой возможности прекратить грызню, которая завязалась на узкой дороге. Сзади одни сани за другими врезывались в свалку. На людей, которым уже почти удалось распутать свои упряжки, катилась лавина новых собак, хорошо накормленных, отдохнувших и рвавшихся в бой.

— А ну-ка, ударим да проскочим вперед! — прокричал Шорти в ухо своему товарищу. — Смотри береги свои кулаки! Растянись и лежи, я справлюсь один!

Что случилось в следующие полчаса, Смок никогда не мог ясно припомнить. В конце концов он выбрался из всего этого, совершенно обессиленный, задыхающийся, с челюстью, разбитой ударом кулака, с болью в плече от удара дубиной, чувствуя, что у него по ноге, разорванной собачьими клыками, струится теплая кровь, а оба рукава парки изодраны в клочья. Точно во сне, в то время как позади их еще бушевало сражение, он стал помогать Шорти перепрягать собак. Одну, умирающую, они вырезали из упряжки и в темноте, осязая, исправили поврежденную упряжь.

Удар кулака оглушил его и повалил в снег.

— Теперь ляг и отдышись хорошенько! — скомандовал Шорти.

И собаки понеслись в темноту, вниз по Моно, пересекли длинные пороги и выехали на Юкон. Здесь, при слиянии Моно с великой рекой, кто-то развел костер, и тут Шорти распрощался со Смоком. При свете костра, когда сани понеслись, увлекаемые мчавшимися собаками, Смок запечатлел в своей памяти незабываемую картину Севера: это была фигура Шорти, который шел, шатаясь и прихрамывая, по снегу и посылал Смоку вдогонку бодрящее напутствие; один глаз у него почернел и закрылся, кисти рук были покрыты ссадинами и синяками, из руки, изодранной выше локтя собачьими клыками, лилась кровь.

V

— Сколько человек впереди? — спросил Смок, бросая своих усталых гудсоновских собак и перескакивая в ожидавшие его сани на первой подставе.

— Я насчитал одиннадцать! — крикнул человек ему вдогонку, потому что Смок уже пронесся дальше на своих новых собаках.

Они должны были везти его пятнадцать миль до следующей смены, которая, в свою очередь, доставит его до Белой реки. Собак было девять, но это была его самая слабая упряжка. Двадцать пять миль между Белой рекой и Шестидесятой милей были разделены на две смены из-за заторев льда, и тут его ждали две самые сильные, выносливые упряжки.

Он лежал ничком, вытянувшись во весь рост, держась обеими руками за сани. Как только собаки замедляли свой стремительный бег, он приподнимался на колени и, опираясь в неустойчивом равновесии на одну руку, крича и гикая, замахивался на них бичом. Как ни слаба была его упряжка, ему удалось обогнать двое саней до Белой реки. Здесь во время ледостава глыбы льда образовали барьер, отгородивший на протяжении мили незамерзшее пространство воды, которое теперь было покрыто гладким льдом. Эта ровная поверхность давала возможность состязающимся менять собак на ходу, и здесь вдоль всего пути стояли наготове свежие смены собак.

Переехав барьер и спустившись на гладкую поверхность, Смок полетел во весь опор и крикнул громким голосом:

— Билли! Билли!

Билли услышал его и ответил. При свете нескольких костров на льду Смок увидел сани, которые вынырнули со стороны и понеслись к нему. Собаки были свежие и нагнали его. Когда сани поровнялись, он перепрыгнул в них, и Билли быстро отъехал.

— Где Большой Олаф? — крикнул Смок.

— Впереди всех, — раздался в ответ голос Билли, и костры остались позади, а Смок снова летел вперед сквозь непроницаемую стену мрака.

Среди ледяных заторов на этом перегоне, где путь шел через хаос навороченных ледяных глыб, Смок соскочил с передка саней и, ухватившись за конец веревки, бежал за коренником. Таким образом он обогнал трое саней. Там что-то случилось, и он слышал, как люди вырезали из упряжек собак и исправляли сбрую.

В ледяных заторах следующего короткого перегона на пути к Шестидесятой миле он обогнал еще две упряжки. Теперь он хорошо понял, что произошло с ними. Его собственная собака вывихнула сустав, не в силах была удержаться на ногах и запуталась в сбруе. Другие псы из упряжки, разъярившись, набросились на нее, пустив в ход свои клыки, и Смок принужден был умирить их тяжелой рукояткой своего бича. Когда он вырезал из упряжки искалеченное животное, он услышал позади себя жалобный визг собак и человеческий голос, который показался ему знакомым. Это был фон-Шредер. Смок крикнул, чтобы он не наехал на сани. И барон, гикнув на своих собак и размахивая шестом, объехал его на расстоянии каких-нибудь двенадцати футов. Мрак был так непроницаем, что Смок слышал, как тот обогнал его, но ничего не видел.

На гладкой поверхности льда возле фактории у Шестидесятой мили Смок нагнал еще двое саней. Все только что переменили собак и в течение пяти минут неслись бок о бок. Люди стояли на коленях, подгоняя обезумевших животных криками и ударами бича. Смок раньше основательно изучил эту часть пути и во-время заметил большую сосну на берегу, которая едва виднелась при свете костров. За этой сосной не только царил мрак — тут внезапно обрывалась и гладкая ледяная поверхность. В этом месте, он знал, дорога суживалась до ширины одних саней. Нагнувшись вперед, он схватился за веревку и притянул сани к кореннику. Затем он ухватил животное за задние ноги и

поташил его к себе. С яростным рычанием собака пыталась вонзить в него свои клыки, но была увлечена вперед остальными собаками. Ее тело сыграло роль тормоза, и две другие упряжки, шедшие рядом, ринулись вперед, в темноту узкого прохода.

Смок услышал треск и грохот столкновения, выпустил коренника, схватил шест и погнал свою упряжку вправо, в рыхлый снег, где рвущиеся вперед собаки проваливались по самое горло. Это было страшно трудно, но зато он обогнал две столкнувшиеся упряжки и благополучно выбрался на укатанный путь.

VI

На Шестидесятой миле Смок получил опять слабую упряжку, и хотя дорога была недурна, тем не менее он сократил этот перегон до пятнадцати миль. Две последние упряжки должны были доставить его в Даусон к заявочной конторе, и Смок выбрал для этих последних двух перегонов лучших своих животных.

Сам Ситка Чарлей ожидал Смока с восемью малемутами, которые должны были перебросить его на двадцать миль вперед, а для финиша с перегонем в пятнадцать миль была предназначена его собственная упряжка — упряжка, с которой он не расставался всю зиму и ходил на поиски Озера Неожиданностей.

Те двое, которые столкнулись у Шестидесятой мили, так и не нагнали его, но, с другой стороны, и его собственная упряжка не могла нагнать ни одного из трех человек, шедших впереди. Хотя его собакам не доставало выдержки и быстроты, они старались изо всех сил, и почти не было необходимости понукать их, чтобы они шли полным ходом. Смоку оставалось только лежать ничком и держаться за сани. Время от времени он вылетал из темноты в кольцо света около пылающего костра, ловил мимолетную картину закутанных в меха людей, стоявших возле запряженных и выжидающих собак, и снова погружался в темноту. Мили за милями он мчался вперед, и в его ушах раздавался только пронзительный скрип снега под полозьями саней. Почти машинально он удерживался в санях, когда они ныряли и поднимались вверх или раскатывались на поворотах реки. Три лица одно за другим, по очереди, без всякой видимой связи и последовательности, вставали в его вооб-

ражешин: лицо Джой Гастел, смеющееся и смелое; лицо Шорти, изувеченного и замученного в драке на Моно; и, наконец, морщинистое лицо Джона Белью, строгое, точно вылитое из железа, — так неумолима была его суровость. Временами Смоку хотелось громко закричать и затянуть песнь ликующего торжества, когда он вспоминал редакцию «Волны», свой роман из жизни Сан-Франциско, который так и остался неоконченным, и всю никчемность той пустой, бессодержательной жизни.

Брезжил серый утренний рассвет, когда он сменил своих усталых собак на восемь свежих малемутов. Они были легче гудсоновских, могли развить еще большую скорость и неслись с неустойчивостью истых волков. Ситка Чарлей назвал ему по порядку имена шедших впереди: Большой Олаф во главе, вторым Билль из Аризоны и третьим фон-Шредер. Это были лучшие гончики во всей стране. Еще до того как Смок покинул Даусон, на них стали держать пари и при этом ставили имена гончиков точно в таком порядке. Они состязались на один миллион, а пари на них держали не меньше чем на полмиллиона. Ни один человек не ставил на Смока, который, несмотря на несколько его всем известных подвигов, все-таки считался чечачо, которому предстояло еще многому учиться.

Когда рассвело, Смок заметил впереди сани, и через какие-нибудь полчаса его упряжка нагнала их. И лишь тогда, когда человек в саних обернулся, чтобы произнести приветствие, Смок узнал в нем Билля из Аризоны. Очевидно, фон-Шредер обогнал его. Хорошо укутанная дорога была чересчур узка, по бокам лежал рыхлый снег, и Смоку пришлось еще с полчаса ехать позади. Потом они достигли ледяного затора, за которым начиналось ровное пространство с целым рядом стоянок, где снег был утопан на широком пространстве. Стоя на коленях, размахивая бичом и громко крича на собак, Смок выехал вперед. Он заметил, что правая рука у Билля из Аризоны висит точно плеть и он вынужден держать бич в левой руке. Биллю было очень неудобно, так как он не мог держаться; ему постоянно приходилось бросать бич и хвататься за сани, чтобы не быть выброшенным. Смок вспомнил драку на речке у Третьего номера, ниже Пробного, и все понял. Шорти дал ему прекрасный совет.

— Что такое с вами? — спросил Смок, обгоняя Билля из Аризоны.

— Право, не знаю, — ответил Билль. — Должно быть, я вывихнул себе плечо в драке.

Понемногу он начал отставать, так что, когда впереди показалась следующая подстава, он отстал на добрых полмили. Дальше, впереди, виднелись рядом Большой Олаф и фон-Шредер. Снова Смок поднялся на колени и развил в своих замученных собаках скорость, какую способен развить лишь человек, обладающий чутьем настоящего погонщика собак. Он подъехал вплотную к задку саней фон-Шредера, и в таком порядке трое саней выехали на гладкую поверхность ниже затора, где стояло в ожидании множество людей с собаками. Даусон был в пятнадцати милях.

Фон-Шредер с его десятимильными подставами сменил собак за пять миль отсюда и должен был сменить упряжку на пять миль дальше. Он неся вперёд, погоняя своих собак, полным ходом. Большой Олаф и Смок на ходу переменили свои упряжки, и их свежие собаки сейчас же обогнали барона. Большой Олаф шел впереди, Смок следовал за ним по узкому пути.

«Пока недурно, но не совсем еще хорошо», подумал Смок.

Фон-Шредер, который теперь шел позади, не был ему страшен. Но впереди шел лучший погонщик собак во всей стране, и обогнать его казалось невозможным. Снова и снова Смок заставлял своего вожака догонять санки Большого Олафа, и каждый раз Олаф уходил вперед. Смок довольствовался тем, что неотступно шел за ним. Состязание еще не было проиграно, на протяжении пятнадцати миль многое может случиться...

За три мили до Даусона действительно нечто произошло. К великому удивлению Смока, Большой Олаф встал, стараясь выжать проклятиями и ударами бича последнюю унцию сил из своих собак. Это была мера, которую следовало бы прибегнуть на последние сто ярдов, вместо того чтобы применять за три мили до финиша. Хотя это была явная гибель для собак, Смок последовал его примеру. Его собственная упряжка была великолепна. На Юконе не было лучше тренированных и выхоженных собак. Ведь Смок работал вместе с ними, ел и спал вместе с ними, хорошо знал индивидуальность каждой собаки, знал, как лучше использовать ум каждой из них и как лучше вытянуть из них последнюю каплю воли.

Они поднялись на небольшой ледяной бугор, съехали на

ровную поверхность. Большой Олаф шел всего футов на пятьдесят вперед. Вдруг сбоку показались сани и направились прямо к нему, и тут Смок понял отчаянную меру Олафа. Он хотел выйти вперед до подставы. Эта свежая упряжка, которая должна была доставить его в Даусон, была неожиданностью для всех. Даже люди, ставившие на него, и те ничего не знали о ней.

Смок напряг все свои силы, чтобы опередить противника, пока тот будет менять упряжку. Пустив своих собак во всю мочь, Смок покрыл отделявшее их друг от друга расстояние. Взмахами и ударами бича он заставил их взять в сторону, и его вожак поровнялся с коренником Большого Олафа и побежал рядом. С другой стороны, вровень с ними, шли сани для смены. При той скорости, с какой они шли, Большой Олаф не решался перескочить на ходу. Если бы он промахнулся и упал, Смок вышел бы вперед и состязание было бы для Олафа проиграно.

Большой Олаф сделал еще одно усилие, чтобы выдвинуться, и великолепным рывком выбросил своих собак вперед. Однако вожак Смока продолжал идти вровень с его коренником. С полмили трое саней неслись рядом. Ровное пространство подходило к концу, когда Большой Олаф наконец рискнул. Когда сани на полном ходу приблизились друг к другу, он прыгнул и очутился на коленях, гиканьем и взмахами бича погоняя свежую упряжку. Открытое пространство переходило в узкую дорожку, и он погнал на нее своих собак, выиграв какой-нибудь ярд.

«Человек не считается побежденным, пока он не побежден», решил Смок, и Большой Олаф как ни старался, не мог оторваться от Смока. Ни одна из упряжек, которыми в эту ночь управлял Смок, не могла бы выдержать такой смертоубийственной скорости, какую развила свежая смена собак, — ни одна упряжка, кроме его собственной. И тем не менее эта скорость все-таки была смертоубийственной, и когда он огибал утес возле Клондайк-Сити, он почувствовал, что последние силы оставляют его животных. Незаметно они стали отставать, и фут за футом Большой Олаф начал уходить вперед, пока не ушел на целых двадцать ярдов.

Население Клондайк-Сити, собравшееся на льду, встретило их восторженными криками. В этом месте Клондайк впадает в Юкон, и в полумиле отсюда на северном берегу лежит Даусон. Снова послышался взрыв громких криков,

и Смок заметил сани, которые летели прямо к нему. Он узнал великоленных собак: это были собаки Джой Гастел. И сама Джой Гастел правила ими. Капюшон ее беличьей парки был откинут назад, и овал ее лица, напоминающий камею¹, вырисовывался на фоне густой массы волос. Она сбросила рукавицы и голыми руками сжимала бич и край саней.

— Пригайте! — крикнула она, когда ее вожак поровнялся с вожакoм Смока.

Смок прыгнул в сани позади нее. Сани покачнулись от тяжести его тела, но она устояла на коленях, размахивая бичом.

— Эй вы! Живей! Чук! Чук! — кричала она, и собаки визжали и лаяли, горя желанием обогнать Большого Олафа.

И когда ее вожак поровнялся с санями Большого Олафа и ярд за ярдом стал выдвигаться вперед, огромная толпа народа на берегу Даусона окончательно обезумела. Толпа и в самом деле была огромная, потому что все золотоискатели побросали свои инструменты на берегу речек и явились сюда, чтобы посмотреть на исход состязания, и не было такого безумства, которое не оправдывалось бы в этом последнем перегоне на сто десятой версте.

— Когда вы выйдете вперед, я соскочу! — крикнула Джой через плечо Смоку.

Смок попытался было протестовать.

— И не забывайте крутого поворота на полдороге до подъема, — предупредила она его.

Обе упряжки бежали теперь рядом, отделенные шестью-семью футами. Большому Олафу удалось подогнать свою упряжку ударами бича и криками. Потом медленно, по дюйму, вожак Джой стал выдвигаться вперед.

— Готовьтесь! — крикнула она Смоку. — Сейчас я оставлю вас! Берите бич!

И в тот самый момент, когда он менял руку, чтобы взять бич, раздался предостерегающий крик Большого Олафа. Но было уже поздно. Его вожак, разъяренный тем, что его перегоняют, ринулся в атаку и вонзил свои клыки в бок вожаку Джой. Затем все собаки впелились друг другу в горло. Сани наехали на дерущихся животных и

¹ Камея — выуклый портрет, вырезанный на камне. Древние камни отличаются тонкостью и четкостью линий.

Смок прыгнул. Сани покачнулись от тяжести его тела.

опрокинулись. Смок с трудом поднялся на ноги и бросился поднимать Джой, но она оттолкнула его, крикнув:

— Бегите!

Впереди на расстоянии пятидесяти футов уже бежал Большой Олаф, твердо решивший выйти победителем из состязания. Смок повиновался, и когда оба противника добрались до начала подъема на Даусон, Смок настиг своего соперника. Но на высоте Большой Олаф сделал усилие, рванулся вперед и выиграл около двенадцати футов.

За пять кварталов вниз по главной улице находилась заявочная контора. Улица была запружена народом, точно на параде. Не так-то легко было Смоку нагнать своего гиганта-соперника, а когда он его нагнал, то опередить его было уже невозможно. Бок о бок бежали они по узкому проходу среди плотных стен закутанных в меха кричащих людей. То один из них, то другой большим судорожным прыжком выдвигался вперед на какой-нибудь дюйм лишь для того, чтобы сейчас же потерять его.

Если та скорость, с которой они неслись раньше, была убийственна для собак, скорость, развитая ими теперь, была не менее убийственна для них самих. Но они состязались на миллион долларов и на великий почет на Юконе. Единственное внешнее впечатление, воспринятое Смоком во время последнего бешеного бега, было чувство удивления, что в Клондайке так много народу. До сих пор ему никогда не приходилось видеть всех сразу.

Невольно он замедлил бег, и Большой Олаф рванулся вперед. Смоку казалось, что у него сейчас разорвется сердце, и он уже совершенно не чувствовал под собой ног. Он знал только, что ноги летят под ним, но не отдавал себе отчета, каким образом он заставляет их лететь и как им удалось донести его до гиганта-соперника.

Открытая дверь заявочной конторы показалась перед ними. Оба соперника сделали последнее, ничтожное и напрасное усилие. Ни один из них не мог опередить другого, и бок о бок они подбежали к двери, столкнулись друг с другом и растянулись на полу конторы.

Они сели, но встать были не в силах. Большой Олаф, обливаясь потом, тяжело дышал, ловя воздух раскрытым ртом и тщетно стараясь выговорить что-то. Затем он протянул руку; в значении этого движения нельзя было ошибиться. Смок тоже протянул руку, и противники соединились в крепком рукопожатии.

— Ну и задали же вы жару! — услышал Смок слова контролера по золотым делам, но это было точно во сне, и голос был какой-то слабый и далекий. — И я могу сказать одно: вы оба выиграли. Придется вам поделить участок пополам. Вы компаньоны!

Их руки поднялись вверх, потом опустились в знак того, что это решение утверждено. Большой Олаф весьма выразительно закивал головой и забормотал что-то. Наконец-то ему удалось заговорить.

— Проклятый вы чечак! — прошептал он, но в этих словах звучало восхищение. — Не знаю, как вы это сделали, но все же вы это сделали.

Перед конторой на улице гудела огромная толпа, и помещение конторы было битком набито людьми. Смок и Большой Олаф сделали попытку встать и помогли друг другу. Смок чувствовал в ногах страшную слабость и зашатался, точно пьяный. Большой Олаф, пошатываясь, шагнул к нему.

— Мне очень жаль, что мои собаки набросились на ваших.

— Что же вы могли сделать! — ответил Смок. — Я слышал, как вы кричали.

— Послушайте, — продолжал Большой Олаф, и глаза у него заблестели, — славная она, эта девушка, чертовски славная. Не правда ли?

— Да, чертовски славная девушка! — согласился Смок.

СОДЕРЖАНИЕ

Г. Ленинобль. Джек Лондон	3
Вкус мяса	9
На Бабий ручей за золотом	35
Состязание на первенство	57

для СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Ответств. редактор *М. Поступальская.*

Технич. редактор *Г. Вебер.* Подписано к печати 30/1 1945 г. 5 печ. л.
(4,13 уч.-изд. л.). 37150 экз. в печ. л. Тираж 45 000 экз. Заказ № 6318.
А14459. Цена 2 руб.

Фабрика детской книги Детгиза Наркомпроса РСФСР.
Москва, Сушевский вал, 49.

Цена 2 руб.

100²